

05,5

Театр и искусство.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1910 г. НА ЖУРНАЛЪ

ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО

52 №№ еженедельнаго иллюстрированного журнала (около 1000 иллюстрацій)

12 ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ КНИГЪ — „Библиотеки Театра и Иск.“: около

20 новыхъ репертуарныхъ пьесъ, беллетристика, научно-популярныя статьи, отдѣлъ „Эстрада“—сборникъ стихотвореній, рассказовъ, монологовъ и т. д., пригодныхъ для чтенія съ эстрады.

Подписная цѣна на годъ 7 р.

Допускается разсрочка 3 руб. при подпискѣ, 2 р.—къ 1 апрѣля и 2 р. къ 1 июня. За границу 10 р.

На полгода 4 р. (съ 1 января по 1 июля). За границу 6 р.

Отдѣльные №№ по 20 копѣекъ—Объявленіе 40 копѣекъ строка петита (въ 1/3 страницы) позади текста, 70 коп.—передъ текстомъ.

Главная контора—Спб., Вознесенскій, 4. Тел. 16-69. Для телеграмъ: Петербургъ, Театръ Искусство.

XIV годъ изданія = № 8
Воскресенье, 21 Февраля

1910

Последнія изданія „Театра и Искусства“:

ВѢДЬМА, (ближ. нов. Малаго театра), въ 4 д. В. Трахтенберга, ц. 2 р. (Въ печати).

РАМПА, п. въ 4 д. А. Ротшильда, пер. Е. О., ц. 2 р.

ОСОБНЯКЪ, п. Н. Р. Жуковской (Репер. Спб. Малаго т.) ц. 2 р., цѣна 4 р.

МИРИАМЪ ЭФРОСЬ, (Материнское горе), п. въ 4 д. Л. Гордина, (Реперт. театра Корша), перев. Зайделя, ц. 2 р., цѣна 4 р.

Вы никогда не можете снать („Потерянный отецъ“), пьеса въ 4 д. В. Шоу, пер. М. Потапенко, ц. 2 р.

***Мазела** трагедія въ 5 д. Ю. Словацкаго, пер. съ польскаго Ал. Вознесенскаго (м. 6, ж. 3). Ц. 2 р., Пр. В. № 22 с. г.

***Шальная дѣвченка** (Маленькая шоколадница) ком. въ 4 д. Гаво, пер. съ французскаго. Ц. 2 р., Пр. В. № 22 с. г.

На хуторѣ у милыхъ Окуньковыхъ простыя оперы въ 4 д. М. Ш. Михайлова (Рыбцакаго) Ц. 2 р., цѣна 4 р.

***Во имя ребенка (Судь Соломона)**, п. въ 3 д. Врие, ц. 2 р. Прав. В. 9 г. № 275.

М-ше Давидъ, ком. въ 4 д. А. Федорова. (Реперт. т. Корша, СПБ. Малаго т.), ц. 2 р., цѣна 4 р., роли 2 р. 50 к.

***Афинянка Лизистрата**, ком. Аристофана въ IV д., приспособлен. Л. Грейперомъ, перев. А. И. Долинова (ближ. новинка СПБ. Малаго т.), ц. 2 р. Пр. В. 9 г. № 275.

***Мачкавей**, др. въ 5 д. Оттона Людвигъ, пер. Н. К. Мельникова (Сибиряка), ц. 2 р. Пр. В. 9 г. № 275.

***Пути любви**, др. въ 5 д. О. Дымова, (ж. 3, ж. 4) ц. 2 р., роли 3 р. Пр. В. 1909 г. № 252.

Теодоръ и Нѳъ фарсъ въ 3 д., пер. О. Ф. Сабурова, ц. 2 р., цѣна 4 р., роли 2 р. 50 к.

***Цезарь и Клеопатра**, В. Шоу, пер. Э. Векляна и Лебедева. (Реперт. СПБ. Драмат. и Моск. Мал. т.) ц. 2 р. Роли 3 р. Пр. В. 9 г. № 275.

***Освобожденные рабы**, ком. въ 3 д. Кадельбурга и Блюментала, пер. Федоровича (репер. Корша), ц. 2 р. Роли 2 р. 50 к. Пр. В. 1909 г. № 168.

Анфиса, Леонида Андреева ц. 2 р., цѣнур. 3 р., Роли 2 р. 50 к.

***Скандалъ**, въ 4 д. Батайлъ, перев. М. Потапенко, ц. 2 р. Пр. В. 1909 г. № 252.

***Легенда**, п. въ 4 д. I. В. Раданвилловича, (м. 6, ж. 3), ц. 2 р., роли 2 р. 50 к. Пр. В. 1909 г. № 215.

***Хозяева жизни**, п. въ 5 д. Г. Яшинскаго, ц. 2 р., роли 3 р. Пр. В. 1909 г. № 230.

***Цѣною слезъ (Комедія ошибокъ)** въ 3 д. Ю. Жулавскаго (автора „Эросъ и Психей“), пер. А. Френкеля, ц. 2 р. Пр. В. 9 г. № 275.

***Живые-мертвые (Старый обрядъ)** др. въ 4 д. А. Будищева (Реперт. Спб. Малаго т. и Москов. Импер. Малаго т.) (м. 7, ж. 8) ц. 2 р., роли 2 р. 50 к. Пр. В. 9 г. № 275.

***Нечистая сила**, др. въ 4 д. А. Бахметьева, ц. 2 р. (м. 7, ж. 4). Роли 2 р. 50 к. Пр. В. 1909 г. № 204.

ОТЪ КОНТОРЫ:

За перемену адреса гор. на гор. и иногор. на иногор. уплачивается 25 к., гор. на иногор. и обратно—60 коп.

Театръ СКАЗКА

Дирекція З. В. Холмской.
Новое театральное помѣщеніе въ домѣ Н. Н. ШЕБЕНКО. Галерная 33.
Телефонъ 321-38.
Съ Четверга ежедневно утренники.

РЕПЕРТУАРЪ.

НОВАЯ ПРОГРАММА:

„НЕСМЪЯНА ЦАРЕЗНА“, русская сказка въ 2-хъ дѣйств. Г. Бенедикта, „ГАННЕЛЕ“ Гауптмана.
Костюмы и бутафорія собственной мастерской.
Начало въ 8½ час. вечера.
Продажа билетовъ въ театрѣ „Сказка“ и въ Центр. театр. кассѣ (Невскій, 23).
Адм. Арт. Имп. т. Ф. Израилевъ.

Театральный КЛУБЪ.

Литейный пр., 42.

„КРИВОЕ ЗЕРКАЛО“

З. В. Холмской.

НОВАЯ ПРОГРАММА:

„Жестокій баронъ“ Муз. Эренберга,
„Эволюція театра“ В. Гейера, и др.
Цѣны мѣстъ отъ 1 р. 20 к. до 4 р. 20 к. Билеты продаются въ кассѣ Клуба отъ 12 ч. дня.
Начало въ 8¾ час.
Режиссеръ баронъ Р. УНГЕРЛЬ.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

сценическаго самообразованія.

Томъ 1-й МИМИКА (232 рис., 222 стр.) Цѣна 2 р.
Томъ 2-й ГРИМЪ (200 рис., 303 стр.) Ц. 2 р.
Томъ 3-й ИСКУССТВО ДЕКЛАМАЦІИ (66 рис., 367 стр.) Ц. 2 р.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА на Томъ 4-й КОСТЮМЪ. Около 500 рис. Цѣна по подпискѣ, до выхода въ свѣтъ, 3 р., съ пересылкой 3 р. 21 к.

Кривое зеркало

шаржи и пародіи А. А. Измайлова
Цѣна 1 р.
Второе изданіе журнала „Театръ и Искусство“.

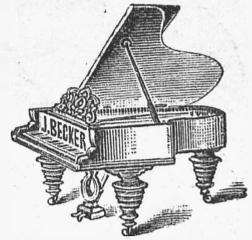
РОЯЛИ

ШАНИНО

Я. БЕККЕРЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Морская, 35.
КАТАЛОГИ: № 15 ПО ВОСТРЕБОВАНИЮ.

Театры и сады Сиб. Городскаго Попечительства о народной трезвости.

ТЕАТРЪ НАРОДНАГО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II. ДОМА

Воскресенье, 21-го Февраля. въ 1 ч. 1) „**РОБИНЗОНЪ КРУЗОА**“; 2) „**БАСНИ КРЫЛОВА**“; въ 5 ч. „**БѢДА НЕ ХОДИТЪ ОДИНЪ**“; въ 8 ч. „**РУСАЛКА**“.—22-го: „**80 ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ ПОДЪ ВОДОЙ**“.—23-го, въ 1 ч. спектакль въ память Глинки: „**ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ**“; въ 8 ч. съ уч. Клементьева и Лежневъ: „**КАРМЕНЬ**“.—24-го въ 1 ч. „**80 ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ ПОДЪ ВОДОЙ**“; въ 8 ч. „**80 ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ ПОДЪ ВОДОЙ**“; въ 5 ч. Прощальн. спектакль Клементьева: „**ПЕРОНЪ**“.—26-го въ 1 ч. „**80 ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ ПОДЪ ВОДОЙ**“; въ 5 ч. „**ЖЕНИТЬБА**“; въ 8 ч. „**ФАУСТЪ**“.—27-го въ 1 ч. „**РЕВИЗОРЪ**“; въ 5 ч. „**ЧАРОВНИКЪ**“; въ 8 ч. „**РУСАЛКА И ЛЮДИМЛА**“.—28-го: въ 1 ч. „**ДѢТИ БАШТАНА ГРАНАТА**“; въ 5 ч. „**НЕ ВСЕ КОТЪ М. СЛЕННИЦА**“; въ 8 ч. „**СЕВИЛЬСКІЙ ЦАРЬЛИНИЦЪ**“.

Василеостровскій театр. Воскресенье, 21-го: „**СО СТУПЕНЬКИ НА СТУПЕНЬКИ**“.—23-го: „**НИНЪ**“.—25-го: „**ГЕНЕРАЛЬША МАТРЕНА**“.—26-го: „**АННА КАРЕНИНА**“.—27-го: „**ИЗМАЛТЬ**“.—28-го: „**ТРИДЦАТЬ**“.

Общедоступный развлеченія (бывшій Степанный заводъ). Воскресенье, 21-го Февраля: „**ДВѢ СУДЬБЫ**“.—25-го: „**ИЗМАЛТЬ**“.—26-го: „**ОВАДЬБА КРЕЩЕНСКАГО**“.—27-го: „**УРЛЕЛЬ АГОСТА**“.—28-го: „**СТРАШНАЯ МЕСТЬ**“.

Театръ „НЕВСКІЙ ФАРСЪ“.

Невскій, 56. ☉ Г. Г. ЕЛИСЬЕВА. ☉ Телефонъ 318—27.

Дирекція **ВАЛЕНТИНЫ ЛИНЪ.**

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

Цѣны обыкновенныя.

Билеты продаются.

Участвуютъ вся труппа безъ исключенія. Режиссеры **В. Ю. Вадимовъ** и **Г. А. Смольковъ.**
Начало въ 8¼ ч. вечера Касса открыта съ 11-ти час. утра. **Валентина Линъ.**
Администраторъ **Л. А. Леонтьевъ.**

ЗИМНІЙ „БУФФЪ“.

Адмиралтейская набер., 4. * * * Телефонъ № 19-58.

Сезонъ 1909—1910 гг.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

СОСТАВЪ ТРУППЫ (въ алфав. порядкѣ).

Женскій персоналъ: М. И. Антонова, Л. Е. Ветлужская, Е. В. Зброжек-Патковская, А. Д. Каренина, Е. Л. Легатъ, Е. П. Мясникова, Н. В. Наташина, В. И. Понтовская, М. П. Рахманова, О. К. Рейская, С. Л. Савилова, Н. И. Тамара, Н. Г. Торская, А. В. Федорова.
Мужской персоналъ: А. З. Бураковский, М. С. Дальскій, А. П. Дмитріевъ, И. В. Звягинцевъ, Н. И. Крамской, М. Д. Клодьяцкій, Н. И. Коржевскій, А. М. Любимъ, В. М. Майскій, Н. И. Мартыненко, Л. Г. Мираевъ, А. С. Потоцскій, Н. Г. Радловъ, В. Я. Радомскій, І. Д. Рутковский, Н. Г. Свѣрскій, М. М. Шуваловъ.

Главный капельмейстеръ **В. І. Шпачевъ.** Главный режиссеръ **А. С. Полонскій.**
Режиссеръ В. М. Циваровъ. Валетмейстеръ Ф. О. Жабчинскій. Капельмейстеръ Л. П. Шаловъ.
Уполном. дирекція **Л. Л. Пальмовскій.**

БОЛЬШОЙ ЗАЛЪ КОНСЕРВАТОРИИ.

Съ 7-го по 28-ое Февраля 1910 г.

Спектакли гастролеровъ Французской Оперы.

Дирекція **Шарль де-Муанъ.**

Сегодня 21-го Февраля (Воскресенье)

„**КАРМЕНЬ**“ съ **Маріи Гай, Ж. Мерей, Г. Ибоса, Бланкаръ.**

АНОНСЪ: **Маріи Гай** готовится къ постановкѣ „**ОРФЕЙ**“, Опера для бенефиса въ 1-й разъ въ Петербургѣ. ГЛЮКА.
Въ Воскресенье, 21-го Февраля, объявленъ будетъ репертуаръ всей недѣли масленицы и открыта продажа билетовъ на все спектакли съ участіемъ **МАРИИ ГАЙ.**
Уполномоченный дирекція **В. К. Травскій.**
Продажа билетовъ въ кассѣ театра консерваторіи съ 10 ч. утра до окончанія спектакля и въ Центр. кассѣ съ 10 ч. до 5 час.

Театръ и искусство.

№ 8. — 1910 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Литература о панихидахъ.—Хроника.—Письма въ редакцію.—Музейная драгоценность. *А. Ростиславова*.—М. Г. Савина. *С. Т.*—Московскія письма. *Эм. Бескина*.—Истка. *О. Дымова*.—Письма изъ Кіева. *М. Рабиновича*.—Похороны В. Э. Коммисаржевской. *А. Р-ва, Н. Негорова и А. Курбскаго*.—Маленькая хроника.—По провинціи.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки и портреты: В. Э. Коммисаржевская (2 портр.), М. Г. Савина (5 портр.), „Мирра Эфросъ“ (2 рис.), „Передъ зарей“ (2 рис.), „Комедія брака“ (4 рис.), „Chantecler“.

Содержаніе Приложенія (къ № 4). „Библиотека Театра и Искусства“, кн. I. Жрица искусства. Романъ *Отфрида фонъ-Гамштейна*, перев. *Немородова*. Стихотвореніе. *Зои Бужаровой*. Горькій и интеллигенція. *Вл. Боцановскаго*. Ея Сіятельство. Изъ серіи „Слабый полъ“. Сатира въ 6-ти главахъ *Густава Вида*. Переводъ съ датскаго *Б. В. Леонтьевой*. „Обыватели“, пьеса въ 4 д. *Виктора Рышкова*. Эстрада. Часть 2-я, выпускъ I.

С.-Петербургъ, 21-го февраля 1910 года.

Исторія съ панихидами по Коммисаржевской доказывается лучше всего, насколько мы были правы озаглавивъ статью нашу въ прошломъ № журнала, „L'appetit vient en mangeant“. Доведя до абсурда мысль, выраженную еп. Гермогеномъ относительно отлученія отъ церкви посѣтителей театра, мы замѣтили, что слѣдуетъ прежде всего лишить актеровъ христіанскаго погребенія. И въ томъ же номерѣ напечатано было сообщеніе о запрещеніи еп. Гермогена служить панихиду по Коммисаржевской. По дѣлу этому—точно, неслыханному—возникла уже цѣлая литература. Во-первыхъ, епископъ Гермогенъ прислалъ свое „освѣдомительное опроверженіе“ въ газету „Колоколъ“. Опроверженіе текстуально таково:

Лѣвья газеты и актеры саратовскіе совершенно извратили обстоятельства съ панихидой по Коммисаржевской. Неоднократно прежде проявлявшіе неприличное отношеніе къ церковной власти, актеры и на этотъ разъ отнеслись вызывающе къ архіерею и причту собора: они самовольно объявили въ газетахъ назначеніе панихиды въ субботу въ 9 часовъ утра, когда въ соборѣ совершается позняя литургія, насъ напередъ не просили объ этомъ и ничего не заявляли.

Тогда ключарь вечеромъ въ пятницу по моему распоряженію послалъ управляющему театромъ заявить, что панихиду въ назначенное время отслужить нельзя и вообще надобно просить разрѣшеніе преосвященнаго. Управляющій явился ко мнѣ въ субботу вечеромъ во время всенощнаго бдѣнія. Я послалъ въ воскресенье въ помѣщеніе театра, когда актеры всѣ были въ сборѣ, разрѣшеніе отслужить панихиду въ понедѣльникъ въ ближайшемъ приходскомъ храмѣ. Актеры, устроивъ демонстрацію, отказались участвовать на панихидѣ въ приходскомъ храмѣ, требуя разрѣшенія служить въ кафедральномъ соборѣ. Вѣроятно, этими же актерами и всюду посланы въ лѣвья органы жалобы на меня съ крайними извращеніями фактовъ и обстоятельство. Таковы истинныя обстоятельства дѣла. Актеры, поджигаемые злобствующими репортерами лѣвыхъ газетъ, явнымъ образомъ проявили свое желаніе устроить демонстрацію въ отказъ участвовать на панихидѣ въ приходской церкви.

„Рѣчь“ называется это объясненіемъ „страннымъ“. Дѣйствительно, „сортировка“ панихидъ по рангамъ покойниковъ—стоитъ запрещенія служить, вообще, панихиду. А еще, пожалуй, характернѣе эта полемика епископа съ актерами. Въ защиту еп. Гермогена вступился органъ г. Пуришкевича, газета „Колоколъ“. И вотъ что мы читаемъ въ этой газетѣ:

Что такое Коммисаржевская?—Теперь ей судья Богъ. Но больно, тяжело вспомнить, во что она обратила свой огромный талантъ, и чьей жрицей сдѣлалась она въ томъ капищѣ,

что воздвигнуто было въ арендуемомъ ею театрѣ. Вспомнимъ что она дерзнула поставить въ своемъ театрѣ богоухольную „Саломею“ и даже, страшно сказать, посягнула изобразить на театральныхъ подмосткахъ Честнѣйшую Херувимъ и Славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ въ другой кощунственной пьесѣ „Сестра Беатриса“.

Судь Божій свершился надъ дерзновенною. Несчастная, погибающая душа, упиваясь смрадомъ кощунственныхъ и богоухольныхъ рѣчей, не прозрѣвала, что судъ Божій уже произнесенъ и страшная смерть уже стоитъ у ея порога, и правда, что эта несчастная грѣшная душа болѣе, чѣмъ чья-либо, жаждаетъ въ милосердіи Божіемъ и требуетъ о себѣ полезныхъ молитвъ.

Но развѣ молитвой озабочена та клика, которая ея окружала при жизни, которая и толкнула ее на эту гибельную дорогу оскверненія святыни.—Нѣтъ, имъ хочется при посредствѣ Церкви, которая одна въ лицѣ своихъ архипастырей возвышала свой протестующій голосъ противъ кощунственныхъ дѣяній покойной антрепренерши, нынѣ устроить апопееозъ именно той Коммисаржевской, которая посягнула на оскверненіе чистѣйшаго лика Владычицы міра; той, которая дерзнула великаго пророка и Крестителя Христова Іоанна вывести на театральные подмостки.

Не апопееозъ, а мольбы о прошеніи, о милосердіи нужны умершей, и, кто знаетъ, можетъ быть тотъ святитель, который одинъ возсталъ противъ безстыднаго коварства устроителей панихидъ торжественныхъ съ прославленіемъ служившей грѣху артистки, въ тиши своей кельи съ воплемъ и слезами умоляетъ правосудіе Божіе о милосердіи къ грѣшной заблудшей душѣ.

Одинъ изъ нашихъ читателей прислалъ намъ укорительное письмо, зачѣмъ де мы печатаемъ столь обширныя цитаты изъ посланій и проповѣдей Гермогеновъ и Иліодоровъ: будто-бы посланія эти и проповѣди могутъ заронить искру неуваженія къ искусству и вызвать среди колеблющихся нерасположеніе къ театру. Признаться, не воображаемъ, чтобы іереміады „Колоколовъ“, брань Иліодора и т. п. могли вызвать среди нашихъ читателей что либо подобное.

Бываютъ столкновенія чувствъ и настроеній столь громаднхъ, что нападающій заранѣе обреченъ на неудачу. Для успѣха нужно умѣть выбирать противника. Когда страна праздновала свѣтлый юбилей великаго писателя Льва Николаевича Толстого, похоть противъ него не поколебалъ ни на одну іоту его славы и величія—наоборотъ, если была еще возможность ихъ возвеличить, то возвеличили. Нынѣ—скажемъ безъ преувеличенія—смерть В.

Коммисаржевской обратилась въ національный трауръ. И снова ударъ по великому чувству національной скорби не только не омрачилъ памяти покойной, но еще болѣе превознесъ ее. Удары „Колоколовъ“ отскакиваютъ безъ вреда отъ „великой грѣшницы“, но рикошетомъ бьютъ, и прелобно, тѣхъ, кто эти удары наноситъ. Велика мораль сей басни, и очень надъ ней слѣдуетъ подумать.

Похороны Коммисаржевской—неслыханныя по грандіозности—знаменательный день въ исторіи русскаго актера. Та сотня тысячъ народу, что пришла на Знаменскую площадь, чтобы поклониться праху дорогой сердцу актрисы,—лучшій и самый краснорѣчивый отвѣтъ на статьи „Колоколовъ“ и распоряженія еп. Гермогеновъ. Въ этомъ поклоненіи—признаніе святыни театра, его культурной, просвѣтительной и гуманитарной роли. Эта безчисленная толпа съ обнаженными головами—почетная гвардія русскаго актера, подъ охраной которой онъ будетъ продолжать свое служеніе истинѣ и красотѣ. Пусть „Колоколы“ пишутъ, что имъ угодно, а еп. Гермогены, по усмотрѣнію, сортируютъ панихиды. У русскаго актера есть опора—народная любовь...

Директоръ Императорскаго Театральнаго
Генералъ-Лейтенантъ
С. П. ПУРИШКЕВИЧЪ

Какъ сообщаютъ газеты, фракціею октябристовъ съ А. И. Гучковымъ во главѣ, въ ближайшіе дни, вносится въ Государств. Думу законопроектъ объ ассигновкѣ Театральному Обществу 10.000 руб. субсидіи. Давно пора рѣшить эту ассигновку.

По словамъ тѣхъ же газетъ, предполагается внести въ Г. Думу проектъ, которымъ былъ бы введенъ налогъ на билеты въ театръ аналогично налогу въ пользу учреждений вѣдомства Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Всѣ суммы, полученныя такимъ образомъ, направлялись бы въ распоряженіе Императорскаго Театрального Общества.

О проектѣ этомъ мы въ свое время говорили. Прежде чѣмъ рѣшать его, однако, надо преобразовать Театральное Общество въ истинно-общественное учрежденіе. Съ положеніемъ этого вопроса „лидеры“ Союза 17 октября, очевидно, недостаточно ознакомлены.

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— Гастроли г-жи Гзовской въ консерваторіи начнутся съ 1-го мая. Въ составъ труппы ея гастролей вошли артисты Малаго театра г. Бравичъ и Худолеевъ, артисты театра Корша г. Борисовъ и Ашанинъ. Режиссеромъ приглашенъ г. Кондратьевъ.

— Юбилейный спектакль М. Г. Савиной назначенъ на 24 февраля. Идутъ пять актовъ изъ пяти разныхъ пьесъ, а именно: изъ „Холоповъ“ Гнѣдича, „Власти тьмы“ гр. Л. Толстого, „Мѣсяца въ деревнѣ“ Тургенева, „Идіота“ Достоевскаго и „Дикарки“ Соловьева и Островскаго.

— С. А. Кусевичій предпринимаетъ турнѣ по волжскимъ городамъ со своимъ симфоническимъ оркестромъ. Турнѣ начнется съ 25-го апрѣля и продолжится по 26-е мая.

— Съ 1-го марта отправляется въ концертнѣе турнѣ Л. Н. Собиновъ. Первый городъ—Варшава. Турнѣ устроено импрессио В. Рѣзниковымъ.

— П. М. Арнольдъ сняла на лѣтній сезонъ театръ въ Шуваловѣ.

— Еврейская труппа, предполагавшая ставить постомъ спектакли въ Литейномъ театрѣ, послѣ отдачи послѣдняго подъ „скетингъ“, располагается въ Екатерининскомъ театрѣ.

— А. С. Абрамянъ, артистка „Кривого Зеркала“, зарекомендовавшая себя, какъ прекрасная исполнительница романсовъ, получила приглашеніе въ Лондонъ.

— Директоръ консерваторіи А. К. Глазуновъ выздоровѣлъ и вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей.

— „Звѣзда“ Германа Бара за четырнадцать представлений сдѣлала въ Александринскомъ театрѣ болѣе 20,000 р. сбору, т. е. болѣе 1400 р. на кругъ. Послѣдній спектакль далъ 1666 рублей.

— Драматической цензурой разрѣшена къ представленію оригинальная пьеса популярнаго переводчика П. П. Невродова „Грязь“, въ 4 д. траги-комическіе эпизоды.

— Возбужденный въ городскомъ управленіи, по ходатайству родственниковъ покойнаго Агренева-Славянскаго, вопросъ о постановкѣ въ Петербургѣ памятника извѣстному популяризатору народныхъ пѣсень г. Агреневу-Славянскому, былъ переданъ городской управой на предварительное заключеніе комиссіи по народному образованію и русскаго музыкальнаго общества. Въ настоящее время русское музыкальное общество сообщило управѣ, что оно затрудняется причислить покойнаго Агренева-Славянскаго къ числу музыкальныхъ дѣятелей.

— Въ труппу „Новаго драматическаго театра“ на будущій сезонъ приглашена Юлія Саратовская (эжжену драматикъ).

Между прочимъ ею и г. Свободнымъ пополняется труппа бр. Адельгеймъ, играющая въ Спб. съ поста по 1 юня.

— Парижская труппа, дающая пьесу Ростана „Chantecler“, отправляется въ турнѣ. Маршрутъ слѣдующій: Франція, Италия, Турція и Балканы. Послѣ юля труппа совершитъ турнѣ по Россіи.

* * *

Московскія вѣсти.

— 13 февраля скончался въ голицынской больницѣ баритонъ г. Смирновъ, служившій послѣдніе два года въ Сергіевскомъ народномъ домѣ. Умеръ онъ отъ скоротечной чахотки.

— Окончательно рѣшилась судьба Новаго театра. С. И. Зиминъ заключилъ съ г. Незлобинымъ контрактъ на годъ съ правомъ продолженія его на другой годъ.

Интернаціональный театръ сланъ К. Н. Незлобинымъ на будущій сезонъ снова Сабурову. Арендная плата, какъ и въ этомъ сезонѣ, на процентныхъ отчисленіяхъ съ валового сбора, но нѣсколько повышенная.

— Артистамъ обанкротившейся антрепризы И. В. Лебедева отчислилось отъ концерта въ литературно-художественномъ кружкѣ около 400 рублей. Артисты, въ числѣ 22 человекъ, получили по 16 руб.

— Съ будущаго сезона многіе артисты Малаго театра получили прибавку къ получаемому жалованію. Г. Падаринъ теперь съ прибавкой будетъ получать 7200 р., г. Садовскій 2-й и Остужевъ—по 6000 р., г. Сашинъ—3900 р., Васенинъ—6900 р. Г-жи Рыжова, Садовская 2-я и Левшина—по 2700 руб. Масалитинова—3000 р. Получаетъ прибавку жалованія и все режиссерское управленіе.

— Въ „Аквариумѣ“, послѣ прогара предпріятыя г. Лебедева, успѣла уже прекратить спектакли обособившаяся здѣсь украинская труппа нѣкоего Грицай-Бурлака.

— Въ новомъ полузакрытомъ театрѣ „Эрмитажъ“ будетъ въ продолженіи лѣта подвизаться опереточная труппа. Зимній театръ по случаю ремонта будетъ въ продолженіи лѣта закрытъ.

* * *

† М. В. Дандевилъ (Девиль). Въ ночь на 19 февраля скончался отъ рака языка хорошо извѣстный петербургскому актерскому міру бывший актеръ драм. труппы Народнаго дома Михаилъ Викторовичъ Девиль (наст. ф. Дандевилъ). Родился М. В. въ 1863 г. Воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, прошелъ спеціальныя пажескія курсы, окончилъ военную академію въ 83 г. и курсъ восточныхъ языковъ. Былъ нѣкоторое время приставомъ въ Закаспійской области. Вышелъ въ отставку въ 98 г. и посвятилъ себя сценѣ и литературѣ. Служилъ, какъ актеръ, въ Народномъ домѣ, въ Василеостр. театрѣ, въ труппѣ Н. Н. Отрадиной и др. Въ послѣднее время явился предпринимателемъ, организовалъ „Прибалтійскій передвижной театръ“. Неудачи послѣдняго не мало отразились на здоровьи покойнаго. М. В. писалъ пьесы, помѣщалъ разсказы въ „Южномъ Краѣ“ и др. провинц. газетахъ.

М. В. былъ очень сердечный, воспитанный человекъ и хорошій товарищъ.

* * *

† К. Т. Шевченко. На Кременцѣ, Вол. губ. скончалась отъ тифа артистка украинской труппы П. Т. Колесниченка К. Т. Шевченко (Снейда). Покойная оставила сиротою дѣвочку 8 мѣсяцевъ.

* * *

† А. Е. Романовскій. Намъ телеграфируютъ изъ Владиміра-губ.: „19-го скончался артистъ Романовскій, Александръ Ефимовичъ. *Кречетовъ*“.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы: Московскіе театры выпустили масленичный репертуаръ и слѣшно подводятъ итоги сезона.

О казенныхъ театрахъ въ этомъ смыслѣ говорить не приходится. Въ Маломъ театрѣ сборы все время блестящіе. Гвоздемъ сезона такъ и осталась пьеса Шоу „Цезарь и Клеопатра“, выдержавшая наибольшее число представлений при наибольшихъ сборахъ. Курсъ будущаго года предполагается приблизительно тотъ-же. Намѣчена, между прочимъ, къ постановкѣ и комедія Бьернстерна-Бьерсона „Когда бродитъ молодое вино“. По окончаніи зимняго сезона и первой недѣли великаго поста приступаютъ къ репетиціямъ „Очага“ Мирбо и „Путаницы“ Бѣляева.

Гзовская окончательно уходитъ изъ Малаго театра и переключивается, скорѣе всего, въ петербургскій Малый театръ.

Если не считать Художественнаго, по сборамъ стоящаго вообще внѣ конкуренціи, слѣдующее мѣсто за Мамымъ принадлежитъ Коршу. Кассовый оборотъ этого сезона превосходитъ всѣ предыдущіе годы. Гвозди сезона—„Сатана“ Гордина и „Мирра“ „Эфрось“ его-же. Послѣдняя пьеса поставлена только недавно и каждое представленіе ея проходитъ съ аншлагомъ. „Мирра Эфрось“ несомнѣнно талантливая, съ большимъ знаніемъ сцены написанная мелодрама. Она держитъ зрителя въ напряженіи. Исполняется она у Корша превосходно. Хорошую фигуру самой Мирры Эфрось даетъ Жихарева. Яркую бытовую страничку дѣлаетъ изъ роли Шейнделе г-жа Дымова, показавъ, что она одинаково съ ампула ingenue comique можетъ съ успѣхомъ нести драматическій репертуаръ. Безупречная пара г-жа Блюменталь-Тамарина и г. Борисовъ. Очень интересенъ г. Чаринъ. На постъ труппа преобразуется въ товарищество и будетъ продолжать спектакли. Ф. А. Коршъ уступаетъ товариществу на постъ театръ на всемъ готовомъ за 40% валового сбора. Основной пьесой предполагается та-же „Мирра Эфрось“.

Не везетъ театру Незлобина. Рѣдкій провалъ сопровождалъ на-дняхъ постановку пьесы Соллогуба „Побѣда смерти“. „Рус. Слово“ назвало спектакль трагическимъ. На будущій сезонъ спектакли труппы Незлобина будутъ продолжаться въ томъ-же Новомъ театрѣ. За истекшій сезонъ убытки очень велики.

Изъ театровъ веселаго жанра сравнительно недурно работаетъ Сабуровъ, вернувшись во второй половинѣ сезона къ сногшибательно откровеннымъ фарсамъ вродѣ „Мальчишекъ-свиней“ и „Зеркальнаго Дома“. На будущій годъ фарсъ остается въ этомъ-же театрѣ.

Оперетка Щукина кончаетъ сезонъ съ дефицитомъ. Сборы недурные, но оклады премьеровъ настолько велики, что не

могутъ быть покрыты никакими сборами. Съ лѣта г. Щукинъ становится единоличнымъ владѣльцемъ дѣла. Его сокомпаніонка, г-жа Брянская, выступаетъ изъ него. Какъ сообщили режиссеръ г. Брянскій сотрудничникамъ мѣстныхъ газетъ, бюджетъ оперетки будетъ сокращенъ на 7000 р. Выступила изъ труппы г-жа Лаксъ. Уходя ея явился плодомъ закулисныхъ интригъ. На лѣто вступаютъ г-жа Валентина Линъ. Спектакли опереточной труппы лѣтомъ будутъ идти не въ закрытомъ театрѣ, какъ это было до сихъ поръ, а въ открытомъ.

Дѣла г. Блюменталь-Тамарина въ „Буффѣ“ очень неза- видны. Не помогаетъ и борьба.

* * *

Первый русскій симфоническій концертъ былъ посвященъ произведеніямъ Кюи. Ему, какъ одному изъ видныхъ борцовъ за новую русскую музыкальную школу, постоянная публика этихъ концертовъ устроила овацію, вызвавъ его нѣсколько разъ. Былъ поднесенъ лавровый вѣнокъ. Чествованіе носило скромный и симпатичный характеръ: не было ни рѣчей, ни чтенія адресовъ, ставшихъ такъ надоедливыми въ наше время. Изъ оркестровыхъ произведеній юбиляра шла вторая сюита, баллада которой имѣла наибольшій успѣхъ. Исполнялись также *gis moll*ное скерцо à la Schumann, тарантелла, вступленіе и антрактъ изъ „Вильяма Ратлифа“, послѣдній былъ повторенъ по всеобщему требованію. Піанистка Е. Брикъ сыграла 8 этюдовъ изъ пр. 64, давъ въ нихъ должное настроеніе и отгнѣя характерныя особенности автора. Г-жа Николаева, обладательница сильнаго сопрано, съ успѣхомъ спѣла нѣсколько романсовъ, между ними великолѣпный „Менискъ“ на bis.

* * *

Послѣдній историческій концертъ въ залѣ Консерваторіи закончилъ это почтенное, но не умѣло поставленное предпріятіе. Не было ни яркости въ исполненіи, ни содержательности въ объяснительныхъ лекціяхъ. Вообще, соединеніе лекціи съ симфоническимъ концертомъ мало совмѣстимо по времени: либо концертъ приходится урѣзывать, либо лекцію сократить. Послѣдніе концерты не передавали общаго настроенія исполнявшихся произведеній. Дирижеръ Кленовскій видимо не улавливалъ духъ авторовъ программной музыки. Въ особенности мало поставилось на послѣднемъ концертѣ Листу. Дивная симфонія „Фаустъ“ мѣстами шла въ неправильныхъ темпахъ; отсутствіе нюансировки, такъ необходимой для полныхъ экспрессій листовыхъ страницъ, создавало неприятое настроеніе. Нѣсколько разъ отдѣльные исполнители вступали не во время. И на всемъ оркестровомъ фонѣ царило *mf*, отсутствіе настоящего хорошаго *riano* давало себя чувствовать. Боже, какой это былъ Листъ!..

В. С.

Лисьма въ редакцію.

М. г. Я предоставилъ одесскимъ антрепренерамъ гг. Багрову и Феберу исключительное право постановки моей пьесы „Комедія брака“ на время поста и Пасхи и поэтому, къ сожалѣнію, лишены возможности исполнить многочисленныя просьбы антрепренеровъ о разрѣшеніи имъ постановки пьесы до истеченія срока договора моего съ вышеупомянутыми антрепренерами. Въ этихъ же видахъ я обратился въ контору журнала „Т. и Искус.“, издававшего мою пьесу, съ просьбой не пускать въ продажу пьесы до Фоминой недѣли.

Сем. Юшкевичъ.

18 февраля 1910 г.

М. г. Въ № 7 „Театра и Искусства“ критическая замѣтка по поводу постановки въ Новомъ Драматическомъ театрѣ Кнута Гамсуна, „На закатѣ“ заканчивается такимъ упрекомъ: „неужели въ составѣ всего режиссерскаго и актерскаго совѣта не нашлось никого, кто бы могъ исправить безграмотное выраженіе переводчика: „министръ, министерство культуры, культювъ“, которымъ передается, очевидно, нѣмецкое слово (переведена, надо думать, пьеса съ нѣмецкаго) — „Kulturministerium“, т. е. „министерство народнаго просвѣщенія“. Какъ лицо, ставившее пьесу, вполне отвѣтственное за все, что говорилось въ этотъ вечеръ со сцены, считаю своимъ долгомъ снять брошенное мнѣ обвиненіе. Смѣю завѣрить автора критическаго отчета, что онъ, къ сожалѣнію, введенъ въ заблужденіе, такъ какъ въ пьесѣ ни въ какомъ случаѣ не идетъ дѣло о министрѣ народнаго просвѣщенія. Выработывая текстъ по нѣсколькимъ переводамъ, я при постановкѣ пьесы свѣрять ихъ, и пришелъ къ окончательному убѣжденію въ томъ, что здѣсь фигурируетъ министръ культювъ, вѣдающій область и дѣла вѣроисповѣданій, высокое сановное лицо, соотвѣтствующее, надо думать, роли и положенію нашего оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Такимъ „министромъ культювъ“ значитъ онъ въ переводѣ съ норвежскаго Ю. Валтру-

шайтиса. Въ нѣмецкомъ переводѣ съ норвежскаго, сдѣланномъ Христианомъ Марченстерномъ Карено такъ и говорить о визитѣ министра: „Seine Heiligkeit, der Kirchenminister war“. Эпитетъ „святѣйшества“ говорить здѣсь самъ за себя. Прошу принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи.

Режиссеръ А. Саминъ.

Прим. ред. „Министерства исповѣданій“ нѣтъ, сколько намъ извѣстно, ни въ одной конституціонной странѣ. Есть суперъ-интендантъ, который, можетъ быть, и называется Seine Heiligkeit. Слѣдовательно, если даже допустить, что дѣло идетъ не о „Kulturministerium“, т. е. не о министерствѣ народнаго просвѣщенія, то и слѣдовало перевести „суперъ-интендантъ“, а не „министръ культювъ“.

М. г. Въ 6-мъ № отъ 7-го февраля сего года въ журналѣ „Театръ и Искусство“ въ хроникѣ напечатано слѣдующее: „Турнѣ симфоническаго оркестра. Московское общество оркестровыхъ музыкантовъ сформировало симфоническій оркестръ, который отправляется въ большое турнѣ по провинціи. Поѣздка начинается 4-го марта и продлится 5 недѣль. Предполагается посѣтить Полтаву, Сумы, Харьковъ, Тамбовъ Курскъ, Воронежъ, Козловъ, Елецъ, Николаевъ, Кременчугъ. Концертами будетъ дирижировать Д. Ахшарумовъ“.

Такъ какъ означенная въ хроникѣ замѣтка не вполне соответствуетъ дѣйствительности, считаю долгомъ объяснить, что означенное концертное турнѣ организуется не обществомъ московскихъ оркестровыхъ музыкантовъ, а, по примѣру прежнихъ лѣтъ, Дирекціей Полтавскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества подъ моимъ управленіемъ; оркестръ же на этотъ разъ Дирекція набираетъ при посредствѣ Московскаго Общества оркестровыхъ музыкантовъ.

Д. Ахшарумовъ.

М. г. Разрѣшите въ интересахъ соблюденія девиза „audiat et altera pars“ дать мѣсто въ вашемъ журналѣ слѣдующему.

Въ № 5 вашего журнала нѣкто, скрывшійся за подписью „К—ъ“, сообщаетъ изъ Екатеринодара неправильныя свѣдѣнія о положеніи театральнаго дѣла въ гор. Екатеринодарѣ вообще и о городскомъ лѣтнемъ театрѣ въ частности. Единственно правильная фраза въ сообщеніи неизвѣстнаго корреспондента это та, что Екатеринодарскій городской лѣтній театръ всегда привлекалъ самыхъ видныхъ и серьезныхъ антрепренеровъ. Дальше же г. К—ъ пишетъ, что въ нынѣшнемъ году положеніе будто бы измѣнилось.—Положеніе нисколько не измѣнилось—Городской лѣтній театръ попрежнему привлекаетъ серьезныхъ антрепризы, что видно изъ того, что „за честь быть антрепренеромъ лѣтняго театра“, по выраженію автора корреспонденціи, спорили: г. Полонскій, управляющій дирекціи театра „Соловцовъ“ въ Кіевѣ, предлагавшій на лѣто труппу Дуванъ-Торцова; г. Багровъ—антрепренеръ Одесскаго театра; артистка Карелина-Раичъ изъ Москвы, Екатеринославская антреприза г-жи Боярской-Бенкендорфъ, г. Соколовскій—антрепренеръ Харьковскаго городского театра, не считая многихъ другихъ провинціальныхъ антрепренеровъ, какъ напр., г. Миролюбовъ, Сѣровъ и др. И это только по драмѣ, на два мѣсяца. Очевидно у Театральной комисіи былъ большой выборъ, чтобы не идти на уступки подъ диктовку условій гг. антрепренеровъ. И Коммисія ничѣмъ не поступилась изъ тѣхъ условій, которыя ея были выполнены первоначально.

Въ результатѣ—театръ подъ драму сланъ съ 19-го апрѣля по 19-ое іюня г. Багрову на условіяхъ нормальнаго договора, ничѣмъ почти, по крайней мѣрѣ въ главныхъ требованіяхъ, не отличающагося отъ договора прежнихъ лѣтъ. Разница только въ способѣ взиманія арендной платы: въ сезонѣ 1909 г. было установлено процентное отчисленіе, теперь же спектакльная плата по расчету и на основаніи данныхъ эксплуатаціи театра предыдущаго года.

Подъ оперу театръ сланъ режиссеру Кіевской оперы Н. Н. Боголюбову на одинъ мѣсяць съ 25 іюля по 1-е сентября, точно также на условіяхъ нормальнаго договора, но за меньшую плату, въ виду того, что оперное дѣло значительно дороже другихъ. Въ промежутокъ времени между драмой и оперой будутъ малороссы—труппы Гайдамаки и Суслова, которой театръ сланъ на тѣхъ же условіяхъ, что и подъ драму.

Театральное дѣло въ лѣтнемъ сезонѣ здѣсь всегда можетъ рассчитывать на успѣхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ минувшій 1909 г., когда зимой въ городѣ была драма г. Судьбинина, а затѣмъ оперетка г. Крылова и тѣмъ не менѣ обороты лѣтняго театра въ 1909 г. ничуть не уменьшились противъ прежнихъ лѣтъ. Текущій же годъ точно также ни сколько не опасенъ въ томъ смыслѣ, что лѣтній театръ не будетъ работать. Тотъ фактъ, что у насъ зимой опера, а будетъ ли еще драма и оперетка, какъ сообщаетъ г. К—ъ, еще неизвѣстно, нисколько не умаляетъ значенія лѣтняго сезона. Наоборотъ наличность театра въ теченіе цѣлаго года воспитываетъ публику

и приучает ее посещать театр, тѣмъ болѣе, что городъ Екатеринодаръ сильно растетъ и развивается и потребность въ театрѣ, какъ въ здоровомъ разумномъ развлеченіи—ощущается весьма настойчиво.

Указаніе на то, что Коммисія входитъ прежде заключенія договора съ антрепренеромъ, въ оцѣнку репертуара и состава труппы свидѣтельствуеетъ лишь о серьезномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ, возложеннымъ на нее обществомъ, т. к. неся нравственную отвѣтственность предъ населеніемъ, Коммисія свято должна охранять интересы общественного театра, какимъ является Городской театр и критически относиться ко всему, что такъ или иначе относится къ театру.

Если, какъ свидѣтельствуеетъ самъ авторъ корреспонденціи, гг. антрепренеры брали большіе барыши въ Екатеринодарѣ, то почему же Городскому Управленію nepозволиительно раздѣлить съ ними эту счастливую участь и не возмѣстить всѣхъ тѣхъ расходовъ, которые городъ тратитъ, какъ на содержаніе самаго театра, такъ и другія однородныя производительныя цѣли. Другое дѣло, если бы гг. антрепренеры несли огромные убытки, а городъ все-таки бралъ бы съ нихъ большую и непосильную плату. Не было еще ни одного случая, когда какой-либо антрепренеръ ухалъ бы изъ Екатеринодара обиженнымъ Городскимъ Управленіемъ.

Можно указать много случаевъ противоположнаго характера, когда Коммисія широко шла навстрѣчу интересамъ гг. антрепренеровъ и артистовъ, дѣлая все возможное для ихъ удовлетворенія. Какъ на свѣжій примѣръ можно указать на фактъ возвращенія изъ полученной за аренду театра суммы около 1500 руб. товариществу артистовъ театра Корша, игравшихъ у насъ прошлымъ лѣтомъ 1909 г. подъ управленіемъ г. Синельникова и не потому, что т-во потерпѣло убытки, а только для того, чтобы участники дѣла могли расчитаться полнымъ рублемъ другъ съ другомъ.

Такимъ образомъ послѣ всего изложеннаго станетъ яснымъ, что помѣщенная въ 5 номерѣ вашего журнала корреспонденція автора, благоразумно скрывшагося подъ псевдонимомъ, является или плодомъ творчества неосвѣдомленнаго „любителя“, или же заинтересованнаго лица, потерпѣвшаго неудачу въ своихъ притязаніяхъ получить аренду лѣтняго театра и старающагося поэтому всякими способами дискредитировать прочно установившееся мнѣніе о Екатеринодарскомъ Городскомъ лѣтнемъ театрѣ и подорвать къ нему довѣріе.

Конечно, такая попытка не страшна, повредить она не можетъ, т. к. какъ среди извѣстныхъ и солидныхъ антрепренеровъ, такъ и вообще среди артистическаго міра имя Екатеринодарскаго лѣтняго театра—не пустой звукъ, чему доказательствомъ служитъ фактъ заключенія договоровъ съ такими солидными лицами, какъ гг. Вагровъ, Боголюбовъ и Гайдамаки.

Къ сказанному необходимо еще добавить, что Городское Управленіе не только стремится брать барышъ съ театра, какъ это хочется неизвѣстному автору, а заботится также и объ улучшеніи его, такъ, послѣ капитальной перестройки зрительнаго зала въ 1908 г., въ текущему году къ открытію сезона будетъ заново переустроена и оборудована эффектами, техническими приспособленіями и декораціями сцена театра, на что Городской Думой уже ассигнованы средства.

Конечно, для появленія настоящаго письма не было бы основаній, если бы не развязный тонъ корреспонденціи, авторъ которой съ удивительнымъ апломбомъ трактуеетъ о вопросахъ, въ которыхъ по меньшей мѣрѣ не освѣдомленъ, чтобы не сказать большаго.

Предсѣдатель Театральной Коммисіи Городской Голова
И. Н. Диманъ.

М. г. Я ждала вылазки со стороны актеровъ, служившихъ въ труппѣ покойной Е. А. Ризъ, но то, что они написали, превзошло всѣ мои ожиданія. Въ сущности, письмо актеровъ является только длиннымъ перефразомъ и подтвержденіемъ того, что было изложено въ предъидущихъ №№ журнала „Т. и Иск.“. И все то, чѣмъ хотятъ актеры оправдать себя, является ихъ же обвиненіемъ. Приходится вспомнить мудрую русскую пословицу: „сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ“.

Но та иронія, которую позволили себѣ актеры по адресу покойной (начиная съ заглавія письма: „правда о пензенской комедіи“*), безчисленные упреки, которые они посылаютъ теперь въ догонку мертвой, замолкнувшей на вѣки, невольно вызвали это мое послѣднее письмо.

Легко теперь представить, каковы были упреки, которые выслушивала покойная 22-го декабря во время „совѣщанія“, одна среди 20-ти враждебно-настроенныхъ къ ней людей, находившихся „въ нервномъ и возбужденномъ состояніи“. Легко теперь понять, почему она, сначала отказывавшаяся подписать злполучный договоръ, пришла и „спокойно“ сказала:

„давайте, я подпишу бумагу“. Это было спокойствіе челоуѣка, доведеннаго до отчаянія.

Въ чемъ теперь упреки ей? Въ томъ, что покойная не была капиталисткой, а такимъ же пролетаріемъ, какъ они сами; что деньги на веденіе антрепризы ей давали родныя и другія лица на тѣхъ или иныхъ условіяхъ; что она была неумѣлая, неопытная антрепренерша; что у нея не хватило духу сказать актерамъ, что, вслѣдствіе плохихъ сборовъ, доходившихъ до 20-ти рублей (и въ этомъ виновата труппа, не привившаяся пензенской публикѣ, а не „неумѣлая“ антрепренерша) у нея нечѣмъ платить. Она „молча имъ не платила“, а они, не молча, ее оскорбляли.

Но ни въ одной антрепризѣ, мнѣ кажется, актеры не освѣдомлены о томъ, откуда ихъ антрепренеръ беретъ деньги. И зачѣмъ тогда Браиловскій, такъ хорошо обо всемъ освѣдомленный, пошелъ служить 2-ой годъ, а нѣкоторые другіе (Тольская, Костюрина) и 3-й сезонъ къ этой „неумѣлой“ безденежной антрепренершѣ? И почему она въ прошломъ году, переживъ катастрофу въ семейной жизни и будучи въ тѣхъ же условіяхъ относительно денегъ, была умѣлая, а въ этомъ году стала „неумѣлой“?

Въ томъ-то и суть, что это не была антрепренерша-эксплуаторъ, это не было „театральное воронье“; это былъ челоуѣкъ добрый, мягкій, но малодушный, слабый волей. Вотъ этимъ и объясняется то, что актеры, умѣвшие назойливо приставать, доведившіе несчастную до истерики, задерживавшіе антрактъ на 55 минутъ, получали деньги изъ кассы, люди же слабые ничего не получали. Но развѣ въ этомъ не вина тѣхъ же „сильныхъ“ передъ слабыми? Покойная отлично сознавала, что этимъ создается несправедливость, страшно мучилась, какъ и мучила ее нужда нѣкоторыхъ актеровъ. Но и она испытывала тѣ же невзгоды, терпѣла ту же нужду, что и актеры. Эго хорошо знаютъ Горбачевскій и Рутковская, жившіе на квартирѣ у покойной и пользовавшіеся слишкомъ большимъ довѣріемъ ея.

Не она эксплуатировала, а ее эксплуатировали; эксплуатировали ея незнаніе жизни, ея довѣрчивость къ людямъ, ея неопытность.

Не буду я касаться и тѣхъ пунктовъ письма, гдѣ есть завѣдомая неправда, хотя я могла бы и многое поразсказать; пусть все это останется на ихъ совѣсти.

Я далека отъ мысли вступить въ полемику съ актерами, служившими въ труппѣ покойной Е. А., и больше я ни на какія нападки и оскорбленія памяти покойной моей сестры отвѣчать не буду.

Но ни отъ единого слова, сказаннаго мною въ предъидущемъ письмѣ, я не отступлюсь. Съ сознаніемъ ихъ вины, послужившей хотя бы только „поводомъ“ преждевременной кончины моей незабвенной сестры, я буду жить и умирать.

То, что сдѣлали актеры, не карается уголовными законами, но есть судъ людской, судъ общественнаго мнѣнія, который, я вѣрю, произнесетъ свой безпристрастный приговоръ.

Д. А. Геренштейнъ.

М. г. Позвольте мнѣ черезъ посредство Вашего уважаемаго журнала принести мою искреннюю благодарность Совѣту Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, правленію союза драматическихъ и музыкальных писателей, редакціи Вашего журнала и всѣмъ лицамъ, привѣтствовавшимъ меня въ день моего тридцатилѣтняго юбилея. *М. Славичъ.*

М. г. Нѣсколько лѣтъ тому возникла мысль объ образованіи въ С.-Петербургѣ кружка въ память А. Н. Островскаго.

Мысль эта была встрѣчена очень сочувственно и лица, записавшіяся въ учредители Кружка, пропагандировали его и собирали членскіе взносы. Взносъ былъ опредѣленъ въ 3 руб. Между прочимъ мною были получены и переданы по назначенію взносы отъ М. П. Садовскаго, А. А. Вахрушина, Б. Л. Модзалевскаго, Б. М. и Т. Л. Микѣшиныхъ. Братъ мой, Викторъ Александровичъ Рышковъ, также передалъ взносъ, полученный имъ отъ М. Н. Ермоловой.

Помнится мнѣ, что состоялось даже одно засѣданіе (я по крайней мѣрѣ присутствовалъ на одномъ) для разработкіи устава Кружка, которое происходило въ помѣщеніи Союза драматическихъ и музыкальных писателей, когда Союзъ помѣщался еще на Ямской улицѣ. Предсѣдателемъ этого собранія мы избрали тогда А. Р. Кугеля.

Не откликнутся ли на страницахъ „Театра и Искусства“ лица, взявшія на себя административную часть этого дѣла, какая судьба постигла это благое начинаніе?

Примите и пр.

Владиміръ Рышковъ.

*) Мы должны снять съ актеровъ этотъ укоръ: „комедія“—грубый недосмотръ корректора. *Прим. ред.*

Музейная драгоценность.

Много и очень хорошо и даже искренно писали и пишут о драгоценной В. Ф. Коммисаржевской, о ее смерти, о нелюбви этой смерти и т. д. Общій подъемъ глубоко искренней, искренней сгонъ стоитъ среди учащейся молодежи, и мы, конечно, будемъ очевидцами грандіозныхъ давно не бывалыхъ похороновъ. Сильное горе слишкомъ эмоционально, оно не нуждается въ словахъ, но, разъ говорится много словъ, то не столько интересны эмоціи ихъ авторовъ, сколько попытки серьезно, достойно памяти покойной опредѣлить секретъ ее обаянія.

Разумѣтся, умныя и прекрасныя слова М. Г. Савиной, что такое прелестное дарованіе, какъ дарованіе Коммисаржевской, надо бы беречь, какъ драгоценный и пѣжный персикъ, держать его въ ватѣ, должны бы были чуть не буквально осуществляться на дѣлѣ. Разумѣтся «и государство и общество», при правильномъ соотвѣтствіи въ опредѣленіи своихъ цѣнностей, обязаны не только чувствовать, и особенно холить и беречь такія дарованія и въ широкомъ и въ узкоматеріальномъ смыслѣ, на что при существованіи обезпеченныхъ Императорскихъ театровъ у насъ и сейчасъ есть полиційшая возможность. Впрочемъ, если сейчасъ г. директоръ Императорскихъ театровъ получаетъ солидный окладъ, если передъ его ложей стелятся коврики и стоятъ вытянувшіеся капельдинеры, готовые распахнуть передъ нимъ двери, то при соотвѣтственной оцѣнкѣ хватило ли бы окладовъ и почестей для исключительныхъ артистическихъ дарованій? Думается, что эти дарованія дѣйствительно должны бы царить, давать тонъ театру, репертуару (послѣднее, впрочемъ, до известной степени и осуществляется въ интересахъ кассы), работать совершенно свободно, въ полномъ матеріальномъ довольствѣ. А когда наступитъ время ихъ увяданія и заката, имъ должна быть дана возможность доживать свои дни не на жалкой пенсіи, не въ забвеніи, а все въ той же холѣ, въ ореолѣ того же почета, благодарности и заслуженной славы.

Вѣдь люди—художественныя созданія, какими обыкновенно являются великіе, крупныя драматическіе артисты и артистки—такая драгоценность, такіе рѣдкіе брилліанты чистой воды, что никакія заботы о нихъ не будутъ преувеличенными. И разумѣтся, нельзя не казнить, если въ свое время не было сдѣлано все возможное для ихъ полного обезпеченія матеріальнаго и духовнаго.

Но съ другой стороны, что же дѣлать и кого винить, если они сами себя не берегутъ, сами не чувствуютъ пути своего призванія? Вполнѣ правильно, что Коммисаржевская, несмотря на всю привлекательность ее искреннихъ увлеченій, должна была культивировать только свое дарованіе, отдаваться только ему, что антрепренерство и новаторство были не ее дѣломъ. Безъ всякаго теоретическаго новаторства она вся цѣликомъ была новая, единственная, именно не поддающаяся никакой теоретичности, никакой стилизаціи. И если термины «гениальная», «великая», столь охотно обыкновенно расточаемые, покажутся кому-нибудь преувеличенными, то она несомнѣнно принадлежала къ породѣ великихъ, той породѣ, которая безусловно оправдываетъ догматъ: «театръ—это актеръ», которая сама создаетъ свой собственный отдѣльный театръ, не считаясь ни съ репертуаромъ, ни съ традиціями, ни съ сценическимъ новаторствомъ. Но въ томъ-то и дѣло, въ одномъ-ли только театрѣ дѣло? Не говорю уже о томъ, что едва-ли правильно исчерпывать общее представленіе о театрѣ однимъ догматомъ.

Не пора-ли понять, что отъ времени до времени среди насъ въ видѣ исключительныхъ артистокъ и артистовъ являются и живутъ—люди—художественныя произведенія—музейные уники, не по силѣ только вложенныхъ въ нихъ талантовъ, а во всей ихъ конкретной человѣческой цѣлности, въ гармоніи и обаятельномъ слияніи личности съ да-

рованіемъ. Въ нихъ нельзя отдѣлять человѣка отъ таланта, ибо не только на сценѣ, а и въ жизни, во всемъ своемъ обликѣ, они выявляютъ красоту внутренняго человѣка, красоту человѣческихъ чувствъ, мыслей, переживаній.

Это не есть собственно этическая и интеллектуальная прелесть личности, а только соединенный съ сценическимъ жизненнымъ даръ ея выявленія. Поэтому не должно смущать кажущееся противорѣчіе между прелестью облика и не рѣдко некрасивостью, непривлекательностью, даже духовной бѣдностью исключительныхъ дарованій въ обыденной жизни. Ихъ этика, ихъ духовность иного порядка, неизмѣримо болѣе высшаго и потому нами, иногда даже бессознательно столь цѣнимаго; эта этика, эта духовность таятся въ томъ глубокомъ лабиринтѣ, гдѣ ихъ освѣщаетъ только блескъ да-

В. Ф. Коммисаржевская въ пьесѣ М. Горькаго
„Дачники“, въ роли Варвары Михайловны.

рованія. И само собой разумѣтся, что въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда художественная прелесть личности сливается съ обыденной, остается только становиться на колѣни и молиться...

Безъ сомнѣнія, театръ даетъ только наибольшую силу выраженія субъективнымъ дарованіемъ, выявляющимъ красоту личности. Они могутъ быть лишены дара перевоплощенія, созданія объективныхъ образовъ, того, что лучше всего можетъ быть было-бы названо даромъ сценической живописи. Субъективныя дарованія даже какъ-бы борются съ опредѣленно объективными образами, созданными великими поэтами, стараясь и въ нихъ выразить самихъ себя. Коммисаржевская, столь изумительная въ роляхъ Чайки, Маринки, Анхень («Юность»), сестры Беатрисы, всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ изъ современныхъ пьесъ (Соня въ «Борцахъ»), трогала и въ Гретхенъ, но по своему, совсѣмъ не отвѣчая Геттевому образу: въ ее надломленной прелести не было

„Я влюблена во всѣхъ мужчинъ, сколько ихъ есть на свѣтѣ“.
Рози. („Бой бабочекъ“ 1 дѣйств.).
Послѣдняя роль В. Э. Коммисаржевской, игранная въ Ташкентѣ.

огромной прелести чистой святой простоты, дѣтской непосредственности, безмятежности натуры. Субъективнымъ дарованіямъ пьесы нужны только, какъ болѣе яркій и выразительный, чѣмъ въ обыденной жизни, текстъ для ихъ немолкающей музыки. Они всегда конкретны, при чемъ ихъ духовная конкретность неразрывно связана съ физической. И мы восхищаемся собственно не ихъ сценическими созданіями, а ихъ конкретностью, которой сцена даетъ изумительный блескъ и переливы красокъ. Наши воспріятія иного порядка, чѣмъ напр. созерцательныя воспріятія литературныхъ и живописныхъ образовъ: духовность театральныхъ воспріятій неразрывно связана въ насъ съ чувственностью, не въ смыслѣ конечно сексуальности. Въ субъективныхъ дарованіяхъ прежде всего поразительная грація. Они съ поразительной легкостью во всей своей внѣшности до конца ногтей выражаютъ, выявляютъ внутреннюю красоту, не рѣдко при этомъ совсѣмъ не отличаясь внѣшней физической красотой, согласной съ канонами и знаменитыми образами художниковъ-пластиковъ. На нихъ печать своей, особенной, только имъ принадлежащей красоты. И потому-то всѣхъ ихъ, столь непохожихъ другъ на друга, столь рѣзко индивидуальных Дуэ, Ермолову, Сарру Вернаръ, Заньковецкую, Коммисаржевскую невозможно было бы не отличить, не замѣтить въ толпѣ. Наслаждаясь дарованіемъ людей — художественныхъ произведеній, мы всегда сознательно или безсознательно наслаждаемся и ихъ внѣшностью, ибо гармонія здѣсь неразрывна. По какимъ-то таинственнымъ законамъ, красота внутреннихъ переживаній съ полнымъ совершенствомъ выражается въ конкретной пластикѣ жестовъ, мимики, всѣхъ деталей наружности, въ конкретной музыкальности голоса, интонацій.

Вѣдь и въ насъ, обыкновенныхъ людяхъ, таится красота и такъ мучительно ищетъ выраженія, и, вырвавшись, увы! нерѣдко принимаетъ такую неграціозную, неестественную даже фальшивую форму. Такъ часто въ жизни не трогаешь выраженіе неприятнаго горя, такъ часто незамѣтны прекрасные люди, нѣмые въ смыслѣ умѣнья выражать свои чувства. И такъ нерѣдко коробитъ или смѣшитъ откровенное и бездарное выраженіе чувствъ. Угадывать, понимать безъ словъ въ жизни часто нѣтъ, чѣмъ выражать. Только дарованію свойственна и форма, и мѣра выраженія.

Коммисаржевская создала на сценѣ и воплотила въ своей личности утонченный образъ современной молодой дѣвушки и женщины, образъ огромнаго изящества и привлекательности, особаго аристократизма. Не даромъ такимъ особенно страстнымъ обожаніемъ она пользовалась среди женской учащейся молодежи, чужавшей въ ней наиболѣе красивую выразительницу современной женской утонченности. Во всемъ ея обликѣ чувствовалась порода, какъ бы сложный отпечатокъ культурнаго воспитанія духовнаго и физическаго цѣлага ряда поколѣній, и именно съ чисто внѣшней стороны она была идеальной современницею.

Культурное воспитаніе уничтожаетъ, сглаживаетъ черты націонализма и одновременно является наиболѣе благоприятной почвой для воспріятія сложнѣйшей современности, всѣхъ ея мукъ и болей. Современный культурный человѣкъ всегда надломленный, всегда усталый. Коммисаржевская воплотила женскую прелесть этой надломленности, усталости, когда, въ силу воспитанной утонченности натуры, уже нѣтъ мѣста бурнымъ непосредственнымъ проявленіямъ страсти, страданія, когда такъ много и художественно говорятъ выраженіе глазъ, нервность лица, утонченность жестовъ, усталость позъ, музыкальное дрожаніе голоса, выразительность паузъ.

Она не создала новаго театра на Офицерской, но, думается, не мало сдѣлала для выясненія сценической художественной формы, хотя невозможно говорить о ея школѣ, ибо въ основѣ ея субъективной игры лежала музыкальность всего облика.

Таланты, въ основѣ которыхъ Аполлоновское начало, живутъ долго, даже совершенствуясь съ годами, по субъективныя дарованія роковымъ образомъ недолговѣчны. Слишкомъ велика нѣжность и хрупкость ихъ личности, слишкомъ важна гармонія между выражаемымъ и конкретнымъ, даже въ физическомъ смыслѣ, обликомъ. И возрастъ, и приходящіе съ нимъ физическіе недостатки могутъ оказаться крупнымъ разрушающимъ факторомъ. Субъективныя дарованія — слишкомъ жизненныя художественныя воплощенія, и мы восхищаемся въ нихъ не столько ихъ объективнымъ сценическимъ творчествомъ, сколько звучащей въ нихъ музыкой человѣческой красоты. Но и самыя прекрасныя мелодія при частомъ повтореніи уже перестаютъ вызывать былой энтузіазмъ. Винить ли насъ? Вѣдь, каковъ бы ни былъ нашъ уровень пониманія и чутья, мы всегда такъ искренни въ своемъ энтузіазмѣ, намъ тоже можетъ быть глубоко горько и обидно, когда мы уже не чувствуемъ его. А между тѣмъ и талантъ вянетъ безъ энтузіазма, и тогда справедливыми кажутся горькіе упреки въ неблагодарности, въ неумѣннѣ и въ нежеланіи холить, беречь дарованіе.

Среди набившихъ оскомину шаблоновъ, нельзя не отмѣтить обычную жалобу на то, что сценической художникъ, одинъ изъ всѣхъ, обреченъ на забвеніе, такъ какъ его творчество не можетъ быть зафиксировано. Но вѣдь и это не вполне вѣрно. Имена, образы, отзвуки дарованій великихъ артистовъ живутъ долго въ воспоминаніяхъ, литературныхъ характеристикахъ, портретахъ, сценической преемственности. Развѣ не ярко индивидуальны, не свѣжи для насъ сейчасъ образы Асенковой, Мочалова, которыхъ мы никогда не видали?

А главное, быть можетъ, потому, что сценической художникъ не оставляетъ конкретнаго слѣда, не занимаютъ ли за то именно сценическіе художники самыя видныя мѣста въ музеѣ воспоминаній у современниковъ, какъ займетъ одно изъ такихъ мѣстъ несомнѣнно музейная драгоценность — покойная В. Ф. Коммисаржевская?

А. Ростиславовъ.

Прим. редакціи. Мысль, брошенная мимоходомъ А. А. Ростиславовымъ, къ сожалѣнію, мало имъ разработанная, о «нѣжной памяти» сценическаго художника, замѣняющей конкретное наслѣдіе другихъ художниковъ, очень любопытна. Н. Н. Тама-

1879 г.

1889 г.

1899 г.

ринь, по поводу предстоящаго 24 февраля бенефиса М. Г. Савиной за 35-лѣтнюю службу въ Императорскомъ театрѣ, прислалъ намъ замѣтку, въ которой, исчисливъ нѣкоторыя

особенно замѣчательныя роли М. Г., пишетъ между прочимъ: «М. Г. такія роли не просто играетъ, она даетъ въ нихъ образцы художественнаго творчества, соединеннаго съ филигранной отдѣлкой ювелира. Ея исполненіе этихъ ролей должно быть увѣковѣчено; необходимо, чтобы немедля были сдѣланы граммофонныя и фонографныя записи, съ подробными литературными протоколами исполненія Марьи Гавриловны. Это будутъ образцы для будущихъ поколѣній».

Проектъ этотъ не новъ. У насъ, помнится, былъ напечатанъ даже подробный планъ такихъ записей. Но если оставить въ сторонѣ педагогическія задачи, то надо сознаться, что и граммофоны, и кинематографы, и фотографіи, и вообще, всякая стенограмма искусства не дасть ничего походяго на живое впечатлѣніе сцены и способно скорѣе разрушить прелесть «нѣжной памяти». Въ красотѣ эфемериды, въ очарованіи бабочки — не только нѣчто прекрасное, но и острое, жгучее. Въ трагедіи мгновенія лежитъ его высшая красота, и потому величайшія наслажденія и экстазы такъ мимолетны.

И прижизненные восторги, и «нѣжная память» — вознагражденіе, такъ сказать, за мимолетность, быстротечность сценическаго творчества. Тутъ есть высшая мудрость. Вотъ почему «фиксацію» образцовъ сценическаго мастерства не слѣдуетъ преувеличивать. «Ремесло поставилъ я подножіемъ искусству», — говоритъ Сальери у Пушкина, но оттого Сальери никогда и не будетъ Моцартомъ. «Нѣжная память» сохраняетъ черты особыхъ «сердца горестныхъ замѣтъ». Въ музеѣ сердца постоянно воскресаютъ былыя воспоминанія и очарованія. И вѣрно, что ничто не сравнится съ драгоценностью сценическихъ фигуръ, сохраняемыхъ благодарнымъ сердцемъ.

М. Г. Савина.

(Къ юбилейному бенефису 23 февраля).

Юбилейный спектакль М. Г. Савиной запоздалъ на годъ. Тридцатипятилѣтіе службы М. Г. Савиной исполнилось, собственно, въ прошломъ году. Но календари въ казенномъ театрѣ особенные. По случаю 35-лѣтія, благовременно освѣжить въ памяти нѣкоторыя біографическія подробности, касающіяся М. Г. Савиной. М. Г. Савина начала свою сценическую дѣятельность чуть ли не съ 7 лѣтняго возраста. Съ большимъ юморомъ рассказываетъ М. Г. въ своихъ «Воспоминаніяхъ» объ одномъ изъ этихъ спектаклей семилѣтней дѣвочки. Играя въ «Уголино или Бацина голода» одного изъ мальчиковъ, умирающихъ отъ голода, маленькая «Машенька» замѣтила, что ся партнерша — маленькая дѣвочка — обязанная по пьесѣ погнаться отъ голодной смерти... Ёсть пирожекъ, который ей дали только, чтобъ она не плакала.

«Это обстоятельство — рассказываетъ М. Г. — повергло меня въ ужасъ: мы умираемъ отъ недостатка пищи — желькнуло у меня въ головѣ, а она хладнокровнѣйшимъ образомъ насыщается пирогами, да еще при поднятомъ занавѣсѣ! Я не понимала тогда, что мы лежимъ въ полутьмѣ, въ глубинѣ сцены, что публика занята игрою артиста на аванъ-сценѣ: мнѣ казалось, будто всѣ смотрятъ именно на насъ, и только на насъ.

— Не смѣй ёсть! — грознымъ шопотомъ сообщила я дѣвочкѣ.

Та не послушалась.

— Не смѣй! — повторила я еще болѣе угрожающимъ тономъ — вѣдь мы умираемъ съ голоду. Увидавъ, что слова не дѣйствуютъ, я безъ церемоніи вырвала злосчастный пирогъ у нея изъ рукъ и спрятала въ солому...

Дѣвочка начала плакать и кричать настолько громко, что изъ-за кулисы протянулась рука режиссера, сначала зажала ей ротъ, а затѣмъ и совершенно утащила ее со сцены»...

Правдивость, реальность переживаній чувствовалось такимъ образомъ даже въ семилѣтней Савиной.

16 августа 1869 года пятнадцатилѣтняя М. Г. дѣлается профессиональной артисткой. Она «кончаетъ» въ труппу Минскаго городского театра съ жалованіемъ 30 рублей въ мѣсяцъ. Дебютировала здѣсь М. Г. въ роли Глашеньки въ водевилѣ «Бѣдовая бабушка», но выдвинулась благодаря водевилю «Гамлетъ Сидоровичъ и Офелія Кузьминична». Много мытарствъ перенесла М. Г. съ этой ролью, но успѣхъ вознаградила ее вдвойнѣ. — Публика устроила ей овацію, а директоръ по настоянію губернатора прибавилъ ей жалованья на 10 руб.

„По духовному завѣщанію“.

(Первая роль М. Г. Савиной на казенной сценѣ).

По окончаніи блестящаго сезона въ Минскѣ, М. Г. ѣдетъ въ Харьковъ къ Н. Н. Дюкову—на этотъ разъ уже на 50 рублей жалованья.

Въ Харьковѣ «дѣвица Стремлянова» вышла замужъ за актера Н. Н. Савина и вскорѣ же послѣ свадьбы уѣхала вмѣстѣ съ нимъ въ Калугу.

Казанская труппа считалась тогда, дѣйствительно, самой лучшей, включая въ себя такія имена, какъ А. П. Ленскій, П. А. Стрепетова, В. Н. Давыдовъ. Дебютъ молодой артистки прошелъ съ громаднымъ успѣхомъ, и М. Г. быстро овладѣла симпатіями мѣстной публики. Интересенъ въ этомъ смыслѣ отрывокъ изъ «Воспоминаній» Андреева-Рубцова.

«Савина, игравшая нѣкоторыя драматическія роли, главнымъ образомъ была на амплу *ingénue comique*; изящная, тонкая игра ея, отличавшаяся художественною граціей, вполне гармонировала съ ея красивою сценическою внѣшностью.

Простота игры ея была поразительна: на сценѣ зритель видѣлъ совершенно живого человѣка, съ большою правдивостью передававшаго всѣ душевныя волненія исполняемаго ею лица»...

Сезонъ 1873—74 года — послѣдній заключительный этапъ провинціальной дѣятельности М. Г. Успѣхъ ея достигъ здѣсь апогея. Публика встрѣчала ее съ упоеніемъ, а сквозь назидательный тонъ печати проскальзывало серьезное благоговѣніе передъ талантомъ.

Наконецъ М. Г. послѣ всѣхъ этихъ триумфальныхъ скитаній пріѣзжаетъ въ Петербургъ. Здѣсь она 17 марта 1874 года въ залѣ Благороднаго Собранія выступаетъ въ драмѣ «Влуждающіе огни». Успѣхъ ея былъ настолько

великъ, что дирекція Александринскаго театра согласилась дать ей три дебюта.

И вотъ въ знаменательный для русскаго театра день 9 апрѣля 1874 года состоялся первый дебютъ М. Г. на сценѣ казеннаго театра. М. Г. играла роль швейки Кати въ комедіи «По духовному завѣщанію» и затѣмъ роль Новской въ пьесѣ «Она его ждетъ». Успѣхъ молодой дебютантки превзошелъ всякія ожиданія. Вызовомъ не было конца. Вся печать указывала на несомнѣнные оригинальныя свойства ея таланта. Вотъ что писалъ «Голосъ»:

«Г-жа Савина... художественною простотою, естественной декламацией и серьезнымъ отношеніемъ къ условіямъ сценическаго искусства произвела на всѣхъ пріятное впечатлѣніе, вызвавъ громкія рукоплесканія, сопровождавшія каждый выходъ даровитой дебютантки... Дебютантка держитъ себя непринужденно, не рисуется, не ломается, но никогда ни въ монологахъ, ни въ репликахъ не забываетъ, что она на сценѣ и твердо выдерживаетъ роль, сосредоточивая все вниманіе на ходѣ пьесы»...

Наконецъ послѣ второго и третьяго дебюта М. Г. была принята на Императорскую сцену съ жалованьемъ 900 рублей въ годъ, бенефисъ и казенный гардеробъ. Контрактъ былъ заключенъ на 3 года.

И Марія Гавриловна Савина сдѣлалась артисткой Императорскихъ театровъ.

Первыя ея роли на Александринской сценѣ были слѣдующія: Генриетта («Бабушкина внучка»), Софья («Прежде маменька»), Мери («Пансіонерка»), Дуся («Не въ свои сани не садись»), Наталья Петровна («Трудовой хлѣбъ»), Аннета («Утка и стаканъ воды» вод. Оедорова), Елена Григорьевна («Злоба дня» др. А. Потѣхина) и пр.

Въ теченіе 35 лѣтъ своей сценической дѣятельности М. Г. переиграла такое множество ролей, что для одного лишь перечисленія ихъ понадобилось бы десятки страницъ.

М. Г. Савина въ исторіи русскаго театра займетъ совсѣмъ особое мѣсто.

Въ талантѣ М. Г. Савиной крайне любопытна черта ея здороваго, чисто русскаго реализма.

Лиза. („Въ осадномъ положеніи“. 1875 г.).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ А. Р. Кугель, въ одной изъ своихъ критическихъ статей, говоря о М. Г. Савиной, указалъ на «честность» ея таланта, честность, считающую тягчайшимъ грѣхомъ противъ искусства замазываніе отрицательныхъ чертъ, фальшивую идеализацію, сантиментальность. Объ этомъ же говоритъ покойный Викторъ Крыловъ.

«Рѣзкость и грубость ей не свойственны—писалъ онъ—но тѣмъ болѣе съ восторгомъ мы видимъ ту замѣчательную яркую характерность, которую она вноситъ въ отрицательные оттѣнки своихъ ролей. Савинна можетъ быть первая русская артистка, сумѣвшая создать цѣльный типъ изъ роли Марьи Антоновны въ «Ревизорѣ», выказать всѣ черты невѣжества, неблаговоспитанности, провинціального жеманства этой дѣвушки, оставаясь притомъ изящной и живописной, какъ грязные пицце ребятишки въ картинахъ Мурильо. Конечно всѣ эти свойства вытекаютъ изъ основного свойства таланта М. Г.—ея выпуклага реализма. Въ этомъ заключается глубокая разница между М. Г. Савиной и другимъ колоссомъ русской сцены М. Н. Ермоловой. Если основной характеръ дарованія послѣдней—ея «оптимизмъ», дѣлаетъ ее интересной главнымъ образомъ въ трагедіи, то реализмъ игры М. Г. отводитъ ей особую, свою область,—область бытовыхъ драмъ и комедій».

Савина—живая лѣтопись нашего репертуара. Она росла вмѣстѣ съ репертуаромъ и прошла всю лѣтницу русской актрисы.

Въ настоящее время даже какъ-то странно вспоминать о тѣхъ роляхъ, въ которыхъ она когда-то восхищала публику. И. Л. Щегловъ въ своей интересной статьѣ «Чародѣйка русской сцены» пишетъ о первомъ своемъ знакомствѣ съ Савиной въ водевилѣ (одно названіе чего стоитъ!) «Утка и стаканъ воды».

«Какой-то старичекъ въ лысомъ парикѣ и молодой человекъ въ рыжеи; и пока они шаблонно, по водевилному, пѣтушатся, я невольно улыбаюсь, воскрешая про себя дѣтскій театръ маріонетокъ... Какъ вдругъ... тррахъ... налѣво, за сценой звонъ разбитой посуды, затѣмъ чей-то тонкій женскій крикъ... и изъ боковыхъ дверей выпархиваетъ на сцену, точно, весенній вихрь, молодая стройная брюнетка, въ свѣтло-зеленомъ шелковомъ платьѣ, съ бѣлымъ вѣромъ въ рукахъ... Глаза брюнетки горятъ, какъ уголья, ноздри нервно раздуваются, вѣрѣ ходитъ въ тоненькихъ пальцахъ ходуномъ...

— О, ужасное происшествіе... Представьте, мой попка... мой милый попка... окно было открыто... и онъ улетѣлъ!» Каково было отъ водевилей съ попкой перейти къ Островскому, Тургеневу, Шекспиру и др.! По случаю 25 лѣтняго юбилея Савиной А. Р. Кугель даетъ слѣдующую оригинальную характеристику сценической «натуры» М. Г.

«Это—женщина, которая знаетъ, чего хочетъ, и которая умѣетъ выразить, что хочетъ; женщина, которая одухотворила мыслью безформенность сливающихся линій и создала *характеръ*; женщина, которая идеализму русской женщины и мистическимъ порывамъ ея духа придала черты практической пригодности. Савина внесла порядокъ въ духовный строй женщины, порядокъ и дисциплину. У Савиной нѣтъ экстаза, того экстаза, который чувствуется у всѣхъ нашихъ писателей славянофильскаго оттѣнка, который бьетъ ключами у Достоевскаго, и которымъ бессознательно запечатлѣны нѣкоторые образы Островскаго. Савина, дѣйствительно, ближе всѣхъ къ Тургеневу, тяготящему ясностью своего духа къ порядку и системѣ европейской жизни, къ культурной постепенности, и въ своемъ идеализмѣ всегда остающемся гуманнымъ, т. е. не предъявляющимъ требованія подвига, превышающаго «человѣческія силы».

Этими словами мы заканчиваемъ очеркъ о М. Г. Савиной—такъ счастливо сочетавшей въ себѣ всѣ характерныя свойства русской актрисы: искренность переживанія и глубокую жизненную правду.

С. Т.

ТЕАТРЪ КОРША.

„Мирра Эфросъ“. Я. Гордина.
Мирра Эфросъ (г-жа Жихарева).

Московскія письма.

30.

Очень торжественно справилъ гражданскую панихиду по Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Коммисаржевской нашъ Художественный театръ. Предполагалась и духовная панихида, но мѣстныя духовныя власти отказали въ разрѣшеніи служить панихиду въ зданіи театра. Вл. Ив. Немировичъ-Данченко очень мѣтко указалъ на отсутствіе въ такомъ запрещеніи простой логической послѣдовательности:—въ Театральномъ Обществѣ панихида была, была она и въ театральномъ училищѣ, а въ театрѣ, для котораго существуетъ и Театральное Общество и училище, панихида запрещается. Впрочемъ, одно ли лишь сіе у насъ теперь не логично? Объ одномъ ли этомъ приходится вопіять?

По предложенію В. И. Немировича-Данченко память покойной была почтена вставаніемъ. Глаза присутствующихъ съ какимъ-то вѣнымъ страданіемъ обратились на задропированный чернымъ сукномъ стѣну съ портретомъ В. Ѳ. Коммисаржевской кисти Сѣрова. Подъ портретомъ лежалъ

красиво брошенный снопъ живыхъ цвѣтовъ. Хоръ Художественнаго театра пропѣлъ «Вѣчную память» и «Со святыми упокой». На рѣсницахъ у многихъ блестяли слезы.

Минуту жуткаго молчанія прервали слова Немировича-Данченка, появившагося за столикомъ, предназначеннымъ для ораторовъ. Въ краткой, сжатой и образной рѣчи В. И. далъ характеристику покойной артистки. И закончилъ ее слѣдующими словами:

Рокъ вырвалъ у насъ одинъ изъ свѣточей на пути нашего служенія искусству, одинъ изъ тѣхъ громадныхъ талантовъ, творчество которыхъ имѣетъ источникомъ таинственные родники природы, одинъ изъ тѣхъ талантовъ, лучами котораго отъ вложеннаго въ него божескаго свѣта освѣщается весь нашъ путь, и освѣщаемся мы. Этотъ талантъ дорогъ намъ больше всего потому, что онъ поддерживалъ въ насъ глубокую вѣру въ то, что наше дѣло не есть ремесло, хотя бы и прекрасное, а есть божественный долгъ. И когда такіе чудесные таланты вырываются изъ нашей среды, то становится не только скорбно и жалко, но становится страшно, потому что эти свѣточики освѣщаютъ нашъ путь, и по исчезновеніи ихъ мы можемъ въ двухъ шагахъ не видѣть пути, мы можемъ толкаться въ темнотѣ. Когда же мы знаемъ, что такихъ свѣточей среди насъ немного, то мы должны особенно дорожить памятью о нихъ, и особенно пожелать вѣчной памяти такому свѣточу, какимъ была среди насъ Коммиссаржевская, покинувшая насъ».

За Немировичемъ-Данченко говорилъ маститый П. Боборкинъ. Какъ на драгоценное свойство почившаго таланта покойной артистки г. Боборкинъ отмѣтилъ то, что она принесла съ собой изъ жизни много страданій. Она была закалена въ драмѣ личной жизни и перенесла трепетъ ея на сцену, на подмостки которой она взшла сравнительно поздно. И ставши на нихъ, она не пошла обычной тропой ремесленнаго отношенія къ дѣлу:

Если бы она шла обыкновенной дорогой первой актрисы, то она до сихъ поръ, быть можетъ, не надорвала бы своихъ силъ и осталась бы болѣе или меньше тѣмъ, чѣмъ она была десять лѣтъ назадъ. Но ея дѣйствительно трагическая судьба, какъ искательницы новыхъ идеаловъ для театра, показала, что она не осталась вѣрной тѣмъ традиціямъ, въ которыхъ она была воспитана, традиціямъ почтеннымъ, но природная чуткость и сила вели ее дальше.

А. И. Южинъ указалъ на то, какъ трудно говорить въ тотъ моментъ, когда «закаленный свинцовый гробъ ѣдетъ изъ глубины Азіи въ Москву, для того, чтобы получить наше послѣднее *прости*».

Театръ Корша.

„Мирра Эфросъ“.
Шейделе (г-жа Дымова).

Въ этомъ пути изъ Азіи, въ этомъ пугающемъ воображеніи наше разстояніи ораторъ видитъ до нѣкоторой степени символъ. Это въ переносномъ смыслѣ — «моральный путь, пройденный русскимъ безправнымъ, неимущимъ, часто полуголоднымъ актеромъ».

Богатую фактическими воспоминаніями о *первыхъ дняхъ* Коммиссаржевской-актрисы рѣчь сказалъ Н. В. Туркинъ. Начиная она шестнадцать лѣтъ тому назадъ на 150 рублѣхъ жалованья въ Новочеркасскѣ въ труппѣ Н. Н. Синельникова. Въ составъ труппы входили такія имена, какъ Киселевскій, Рошинъ-Исаровъ, Степановъ, Казанскій, Михайловъ, Шмитгофъ, Волгана, Синельникова, Шуннова и др.

И вотъ пришлось маленькой начинающей актрисѣ, не имѣющей ни своего гардероба, ни своихъ пьесъ, ни знанія пріемовъ сценической техники, выступить среди большихъ, извѣстныхъ артистовъ. При такихъ условіяхъ ея не должны были бы и замѣтить. Вѣра Федоровна дебютировала въ „Лѣтней картинкѣ“ Щепкиной-Куперникъ, въ „Волшебномъ

вальсѣ“ Шмитгофа и другихъ одноактныхъ пьесахъ. Публикѣ она понравилась. Ее скоро полюбили смотрѣть. Но про нее говорили:

— Ну, она еще не актриса! Никакой опытности. Любительница. Ей еще надо учиться.

Но въ этотъ-же сезонъ Коммиссаржевская доказала, что она уже актриса. И актриса большая.

Между прочимъ Н. В. Туркинъ привелъ два очень интересныхъ отзыва о начинающей Коммиссаржевской. Отзывы покойныхъ И. П. Киселевскаго и Н. П. Рошина-Исарова.

Киселевскій опредѣлилъ амплу Коммиссаржевской — водевилъ съ пѣніемъ.

— У насъ пошли нынче не актрисы, а козочки — говорилъ онъ. — Отъ нихъ требуется для разныхъ тамъ „Сорванцовъ“ умѣнье скакать на сценѣ, прыгать на колѣни, тарашить наивные глаза и съ невиннымъ личикомъ болтать дѣтскимъ языкомъ далеко не невинный вздоръ. Всѣ *ingénues* на этихъ роляхъ специализировались. И черезъ это сходитъ со сцены, умираетъ прекрасный, здоровый роль искусства: водевилъ съ пѣніемъ. У Коммиссаржевской есть всѣ данныя для того, чтобы сдѣлаться хорошею водевильною актрисою и воскресить на сценѣ водевилъ съ пѣніемъ. Пусть поработаетъ лѣтъ пять, приобрететъ себѣ репертуаръ водевильный, и тогда ея карьера сдѣлана, каждой труппѣ она будетъ желанной.

Горячо отрицалъ драматическое дарованіе у Коммиссаржевской и Н. Н. Синельниковъ. Онъ считалъ ее актрисой чисто комедійной и даже въ лицѣ ея находилъ природную комическую складку. И только Рошинъ опредѣлилъ ее сразу безошибочно, однимъ словомъ:

— Громада.

Н. Е. Эфросъ подѣлился съ присутствовавшими цитатами изъ писемъ

В. Ф. Коммиссаржевской, характеризующими ее какъ мягущуюся, чуждую покоя душу. «Я никогда не умѣю, — пишетъ она, — жить настоящимъ. Я живу только будущимъ. Конечно, это величайшая моя трагедія, но это и величайшее мое счастье».

С. В. Яблоновскій вспомнилъ экспромтъ, который онъ, никогда не писавшій дотолѣ стиховъ, написалъ подъ очарованіемъ игры Коммиссаржевской въ «Волшебной Сказкѣ». Это было въ провинціи. На югѣ. «Волшебной Сказкой» Коммиссаржевская заканчивала гастроли.

„Волшебная сказка! Средь жизни суровой
Повѣтъ вдругъ правдой чудесною, новой,
Проглянетъ вдругъ солнышка Вожьяго ласка
И сердце трепещетъ, волнуется, бьется
И музыка снова въ ухахъ раздается.
Волшебная сказка! О сила таланта,
О дивная сила, ты насъ озарила,
Ты насъ покорила, и вотъ покидаешь.
Предъ грозной развязкой изъ тысячи грудей
Летитъ тебѣ слово: вернись поскорѣе,
Порадуй насъ снова, волшебная сказка!“

Упало послѣднее слово послѣдняго оратора къ подножью скорбнаго портрета Коммиссаржевской. И на душѣ стало тоскливо до боли, до слезъ. Казалось, что комья земли уже падаютъ на тотъ свинцовый гробъ, о которомъ тутъ говорилъ А. И. Южинъ. Казалось. И не хотѣлось вѣрить.

Эм. Бескинъ.

Александринскій театръ.

„Передъ зарей“, П. Гнѣдича.
Художникъ (г. Озаровскій).

Рис. М. Шафрана.

— и с т к а .

«—истокъ» создаетъ большой городъ, толпа, «эстрада», все равно какая. Подставьте на мѣсто тире имя, которое на устахъ—все равно какое; возьмите представителей науки, театра, оперы, драмы, живописи, хирургии, даже спорта. Я не называю именъ, но очень прошу не суживать понятія; —истокъ гораздо больше, чѣмъ кажется; это только весьма незначительная часть заставляеть говорить о себѣ: «соби-нистки», «мазинистки»...

Но вообще —истка ведетъ себя тихо, непримѣтно, скромно. На скромности и непримѣтности я даже настаиваю. Да и о тѣхъ же самыхъ —исткахъ пѣвцовъ или актеровъ мы узнаемъ только въ театрахъ по оглушительному востройному крику, доносящемуся съ галлерей. Въ стѣнѣ театра ихъ какъ-то не встрѣчаешь.

Въ провинціи пѣтъ —истокъ. Но онѣ приходятъ изъ провинціи къ центру, къ «высокой горѣ», къ свѣтильнику, который возбраняется ставить подъ спудомъ; онѣ являются съ глазами, чего-то ищущими, съ протянутыми впередъ руками, съ лицомъ внимательнымъ, и чуткимъ, и ждущимъ...

Къ большому городу, къ его мысли, къ его исканіямъ приходятъ онѣ, дочери провинціи, дочери безбрежной равнины съ сѣрымъ небомъ, съ одаобразными полями...

Безвѣстная птица съ малоразвитыми крыльями, съ глазами, чего-то ждущими, онѣ идутъ, онѣ ищутъ, онѣ пришли, — и большой городъ, возвышеніе надъ равниной, гора, съ которой «видно все великолѣпіе міра»—встрѣчаетъ ихъ полунасибиливымъ, полупрезрительнымъ привѣтствіемъ:

«—истка!»

—истка живетъ въ мебелированныхъ комнатахъ. Это непримѣтно. До нея въ той же небольшой, неудобной комнатѣ жила другая —истка, Богъ знаетъ куда скрывшаяся.

АЛЕКСАНДРИНСКІИ ТЕАТРЪ.

„Передъ зарей“, П. Гнѣдича.

Старикъ-крестьянинъ (К. Яковлевъ). Рис. М. Шафрана.

Когда —истка занимаетъ свое помѣщеніе, она неизмѣнно заявляетъ:

— Предупреждаю васъ: я буду приходить домой поздно. Смотрите при этомъ строго и ждите, чтобы ей возразили.

Но ей не возражаютъ, потому что привыкли, потому что прежняя —истка тоже такъ предупреждала и тоже строго смотрѣла.

И еще потому, что не будетъ, не будетъ она приходить поздно, а молча и одиноко шагать часами изъ угла въ уголъ, дѣлая пѣсколко верстъ на разстояніи пяти аршинъ. Старый чиновникъ, живущій рядомъ, опять начнетъ вздыхать, кашлять, не будучи въ состояніи заснуть отъ монотоннаго звука молодыхъ одинокихъ шаговъ.

Вы ее видѣли, встрѣчали, но разумѣется, не обратили вниманія. Въ ней пѣтъ ничего характернаго, индивидуальнаго, того что красить женщину, что придаетъ даже некрасивымъ лицамъ привлекательность и духовную осмысленность. Каріе, обыкновенные, заурядные глаза, нехарактерныя губы, простой туалетъ. Вы проходите мимо нея на улицѣ или въ театрѣ, или въ обществѣ—совершенно равнодушно. Она какъ трава, какъ дешевые обои, какъ ситцевыя занавѣси, какъ сочиненія Чехова, изданныя «Нивой»...

—истка скромна. Когда вы ее печально толкнете и извинитесь, она ничего не ствѣтитъ. Посмотритъ разсѣянно и отвернется. Она думаетъ... О чемъ? Вспоминаетъ, что надо пообѣдать, что тамъ, гдѣ-то въ глуши провинціи, ждуть отвѣта на письмо, что кругомъ совершается жизнь, и ее забыли позвать.

Незамѣтная и нехарактерная, какъ трава, она идетъ... Не толкайте ея!

Ее забыли позвать. Забыли показать какую-то дорогу, объяснить. Дома, которые она видитъ, заперты; люди, идущіе мимо и разсѣянно ее оглядывающіе — незнакомы, холодны и чужды; неизвѣстно, куда идти, — вправо или влѣво, —или, быть можетъ, оставаться на мѣстѣ. Куда всѣ спѣшаютъ? Гдѣ собираются? Гдѣ дѣлятся мыслями? И гдѣ то настоящее, истинное, «соль жизни»? Потому что оно гдѣ-то здѣсь, близко—это несомнѣнно!

Кто-то знаетъ разгадку, имѣетъ ключъ. Но кто именно? Какъ его узнать въ толпѣ? Какъ остановить, напомнить о себѣ, сказать, что... что вотъ она здѣсь...

—истка спѣшитъ домой. Можетъ быть, пришелъ почтальонъ и принесъ письмо. То самое, нужное, давно ожидаемое письмо. Въ бѣломъ конвертѣ съ неровно выведеннымъ адресомъ, оно скромно лежитъ на столѣ, какъ вѣстникъ другого міра. Въ этомъ письмѣ, наконецъ, ее зовутъ.

Откуда должно придти это письмо —истка не можетъ сказать даже приблизительно. Ни съ кѣмъ, кромѣ семьи, она не переписывается; никому неизвѣстенъ ея адресъ; никто не разыскиваетъ, не интересуется ею. Но все-таки она ждетъ, спѣшитъ, надѣется.

Проходитъ время, надвигается вечеръ. Въ окнахъ во дворѣ зажигаются огни и за стеклами становятся видимы лица, движенія. Гдѣ-то собираются, гдѣ-то говорятъ. Доносятся заглушенные, словно схваченные за горло, звуки рояля.

Весь вечеръ впереди. Все заранѣе извѣстно. Внесутъ самоваръ. Онъ будетъ шипѣть. Извѣстно движеніе, съ которымъ она поставитъ чайникъ, отвернетъ крапъ, извѣстенъ долгій однотонный звукъ шаговъ по комнатѣ туда и обратно и легкое головокруженіе, вызываемое тѣсотой... Туда и обратно...

Медленно тихо и незамѣтно остынетъ самоваръ. Что-то внутри его съ легкимъ трескомъ оборвется и упадетъ, словно изжитое чувство; рука, дотронувшаяся до его поверхности, встрѣтитъ неприятный холодокъ мѣди. Умереть его огонь.

Потомъ настанетъ ночь. За стѣной старый чиновникъ перестанетъ кашлять и успокоится. Умолкнутъ пазойливые звуки рояля.

Но вотъ она встрѣтила его, того, кто имѣетъ ключъ. Она пойдетъ за нимъ.

КИЕВСКИЙ ТЕАТРЪ „СОЛОВЦОВЪ“.

„Комедія брака“, С. Юшкевича.

Сема Гольдманъ (г. Дуванъ-Торцовъ) и Дора Розенъ
(г-жа Чарусская).

(Съ фотографіи Гудшонъ и Губчевскій).

Онъ? Тотъ, чье имя подставится вмѣсто тире, численная величина алгебраическаго неизвѣстнаго, та цифра, которая придаетъ значеніе позади стоящему нулю.

Онъ—представитель «эстрады», возвышенія надъ жизнью; служитель науки, живописи, музыки, политической экономіи, хирургіи, спорта, — не все-ли равно? Важно—то, что ее «позвали», получило письмо въ бѣломъ конвертѣ съ небрежно написаннымъ адресомъ; она служитъ ему, она со всѣми, она—въ немъ...

Въ ней ничего не измѣнилось; тѣ же каріе нехарактерные глаза, тѣ же непримѣтныя, заурядныя, не останавливающія вниманія, движенія. Но когда вы теперь неловко толкнете на улицѣ, она уже не промолчитъ, а грубо, даже дерзко отвѣтитъ.

Это потому, что она чувствуетъ себя оскорбленной за него, т. е. за «идею». Потому что онъ—идея.

Она служитъ идеѣ. Она думаетъ, что служитъ мысли, идеѣ, искусству или наукѣ, и отдаетъ все, все, что имѣетъ. Ей кажется, что въ общую работу она вноситъ свое дѣло, свое слово, свою жизнь. Ей не нужно, чтобы ее знали; достаточно, если знаютъ его; онъ говоритъ съ богами, а она съ нимъ;—она стоитъ внизу и съ трепещущимъ сердцемъ проситъ передать тамъ, тѣмъ, кто выше, проситъ передать и ея слова, ея молитву тоже... Потому что ей чуждъ языкъ боговъ, она не понимаетъ его, и онъ является для нея какъ-бы посредникомъ.

Она не замѣчаетъ того, что молитва ея не нужна богамъ, что тотъ, кто долженъ былъ быть только посредникомъ, не передаетъ ея словъ выше, а принимаетъ ихъ для

себя, превращаясь изъ средства въ цѣль, изъ промежуточной инстанціи въ конечный пунктъ.

Она продолжаетъ молиться—уже жрецу, а не богу. Ея поклоненіе, никому невѣдомое, никому ненужное, свѣтитъ ей въ жизни уже личной мыслью, устраивающей и успокаивающей.

Теперь она начинаетъ возвращаться домой поздно, очень поздно. Кашляющей и нервной чиновникъ, просыпаясь по ночамъ, слышитъ шорохъ сбрасываемаго платья; самоваръ вечеромъ подается все рѣже и стываетъ медленно, разбивая въ пространствѣ тепло своего сердца. Два студента, живущіе въ томъ же корридорѣ, начинаютъ пристально и нечисто глядѣть на нее при встрѣчѣ. Домой она пишетъ рѣдко и иногда вслухъ бормочетъ:

— Я ничего не стыжусь.

Ея жизнь наполнена; она не спрашиваетъ его, кто онъ, есть-ли жена, любовница, дѣти; она здѣсь—этогъ нуль позади значущей цифры, этогъ суффиксъ, приставленный къ имени—она здѣсь потому, что существуетъ, что живетъ, что дышетъ, что ее «позвали». Отшлютъ—и она уйдетъ.

Дочь глухой провинціи, она у подножія алтаря (какъ ей кажется) слагаетъ, передавая жрецамъ все, что имѣетъ: можетъ быть, пригодится? Изъ безбрежныхъ равнинъ съ сѣрымъ низкимъ небомъ, съ однообразнымъ пространствомъ скупыхъ полей, широко и лѣниво текущихъ рѣкъ приходитъ она къ высокой горѣ, откуда, можетъ быть, видно «все великолѣпіе міра», и спрашиваетъ горцевъ, тѣхъ, что живутъ на вершинѣ:

— Хорошо-ли? Просторно? Чистъ-ли воздухъ?

Ей небрежно роняютъ отвѣтъ.

Грамматическій придатокъ къ имени—она ступевывается совершенно Боги не знаютъ ея потому, что она служить не имъ, а ихъ жрецамъ.

Но все-таки она глубоко религіозна.

Незамѣтная, нехарактерная, какъ трава скудныхъ луговъ равнинъ, она отцвѣтаетъ цвѣты, выросшіе на горѣ. Въ каждомъ букетѣ есть зелень, которую добавляетъ садовникъ для декораціи, для того, чтобы удобнѣе держались розы.

Но, вѣдь, травой никто не любитъся. Она срывается только для одного дня, и потомъ выбрасывается, замѣняясь свѣжей.

И вотъ — истка исчезаетъ. Меблированная комната пусѣтъ; потомъ появляется другая и заявляетъ, что будетъ поздно приходитъ домой.

А прежняя скрылась невѣдомо куда, кажется, умерла; можетъ быть, не случайно.

О. Дымовъ.

„Комедія брака“, С. Юшкевича.

Ольга Гольдманъ (г-жа Будкевичъ), Брикъ (г. Орловъ
Чужбининъ).

Письмо изъ Кіева.

„Когда нѣтъ настоящей жизни, то живутъ миражами. Все-таки лучше, чѣмъ ничего“... Когда у театра нѣтъ настоящей любви къ писателю, истиннаго къ нему уваженія, — эти недостающія чувства подмѣняются бутафорскими, внѣшними изъявленіями почтенія, но это не лучше, а хуже, чѣмъ ничего, потому что насквозь проникнуто фальшью, позою; потому что злоупотребляютъ именемъ популярнаго писателя, пользуются имъ только для того, чтобы самими „блеснуть очаровательно“, а кстатѣ и полный сборъ сорвать.

Увы, — торжественный спектакль въ театрѣ „Соловцовъ“ по поводу 50-лѣтія со дня рожденія Чехова носилъ именно такой характеръ.

Спектаклю предшествовало цѣлыхъ три рѣчи. „Слова, слова, слова“... А какъ не любилъ А. П. Чеховъ „словъ“, какъ болѣзненно чуждался фразы! Слушая эти рѣчи, я невольно все время вспоминалъ Гаева, и хотѣлось крикнуть ораторамъ, независимо отъ формы и содержанія рѣчей: „вы, дядечка, молчите“, „зачѣмъ такъ много говорить!..“

Впрочемъ, когда началась пьеса, это обиліе словъ стало понятнымъ и извинительнымъ: вѣдь надо-жъ было въ самомъ дѣлѣ хоть что-нибудь сказать о Чеховѣ, разъ спектакль, посвященный его памяти, безсилень былъ дать какое-бы то ни было представленіе о его творчествѣ. Болѣе безвкусной, громоздкой, мелочной и мертвой постановки „Трехъ сестеръ“ я не только не видалъ, но и представить себѣ не могъ. Г. Савиновъ, ставившій пьесу, обнаружилъ чрезвычайное, чуть-ли не подобострастное уваженіе къ московскому Художественному театру, — къ „театру Чехова“, какъ его называютъ, — и никакого уваженія къ самому Чехову. Все вниманіе режиссера, всѣ его заботы были поглощены внѣшней занимательностью зрѣлища. „Постановка“ выразилась въ цѣломъ рядѣ ненужныхъ нарочитыхъ выдумокъ, ничѣмъ съ содержаніемъ пьесы не связанныхъ и воспріятію зрителемъ пьесы отнюдь не способствующихъ. Нѣкоторые изъ этихъ режиссерскихъ фокусовъ шли прямо въ разрѣзъ съ настроеніемъ пьесы и шокировали своей неумѣстной грубостью. Къ чему, напримѣръ, въ 1-мъ актѣ это приплясыванье сестеръ и пошлый припѣвъ „Андрюша влюбленъ, Андрюша влюбленъ...“ У Чехова это говоритъ Ольга, повторяетъ Ирина, и кончено. А въ театрѣ „Соловцовъ“ это длилось утомительно долго, мѣшало слушать слова Андрея, Маши, Вершинина... Зачѣмъ это?

Зачѣмъ такъ размазывать сцену шикаря Соломену за его „два университета“? Правда у Чехова есть ремарка „ропотъ и шикаря“, но это слѣдуетъ продѣлать гораздо сдержаннѣе; недаромъ вѣдь въ другомъ мѣстѣ, при другой безтактности Солонаго — ремарка „неловкое молчаніе“. Чеховскіе герои чуткіе люди, они не дѣлаютъ себѣ представленія изъ невѣжества или глупости своего ближняго, напротивъ, они сами за него чувствуютъ неловкость, сами смущаются.

А откуда и зачѣмъ появился у насъ второй военный врачъ въ 1-мъ дѣйствіи? Что за пошлый смѣшокъ у офицера, наткнувшагося на цѣлующихся Андрея и Наташу? Кому нужна вывѣска съ указующимъ перстомъ: „ходъ къ д-ру Чебутыкину“ и дочечка на дверяхъ: „Андрей Сергѣевичъ Прозоровъ“? А сцена фотографированія? А злоупотребленіе паузами... Все это заимствовано, нечутко, ненужно...

И играли пьесу сухо, холодно, нудно... Если-бы не надрывное, безнадежное рыданіе Маши.—Пасхаловой въ послѣднемъ актѣ, да не сѣрнѣйшій, но мягкій и скорбный — въ изо-

браженіи г. Недѣлина — Кулыгинъ, Чехова совсѣмъ не было въ спектаклѣ. Интересно задуманъ г. Болховскимъ образъ Солонаго. Основаніемъ для своего толкованія артистъ, мнѣ кажется, правильно взялъ слова Тузенбаха о Солономъ: „Мнѣ кажется, онъ застѣнчивъ... Когда мы вдвоемъ съ нимъ, то онъ бываетъ очень уменъ и ласковъ, а въ обществѣ онъ грубый человѣкъ, бреттеръ“. Но г. Болховской играетъ Солонаго слишкомъ ужъ сдержанно и осторожно.

Послѣ спектакля при открытомъ занавѣсѣ на бюстѣ Чехова возлагали вѣнки, „пѣли Славу“, читали стихи, надписи на лентахъ... снова „слова, слова, слова“... Можетъ быть, такъ и нужно, можетъ быть, такіа чествованія и имѣютъ воспитательное значеніе, но мнѣ подобные „апофеозы“ всегда кажутся апофеозами пошлости, и какъ-то обидно становится за „чествуемаго“ писателя.

„Когда нѣтъ настоящей жизни, то живутъ миражами“... А когда у театра нѣтъ опредѣленныхъ задачъ и твердо осознаннаго направленія, онъ искусственно создаетъ „гвозди сезоновъ“ и т. д. и т. д.

Въ этомъ году подъ конецъ сезона театру „Соловцовъ“ повезло въ этомъ отношеніи, — „гвозди“ сами лѣзутъ въ руки: сначала „Анатѣма“, теперь „Комедія брака“.

КІЕВСКІИ ТЕАТРЪ „СОЛОВЦОВЪ“.

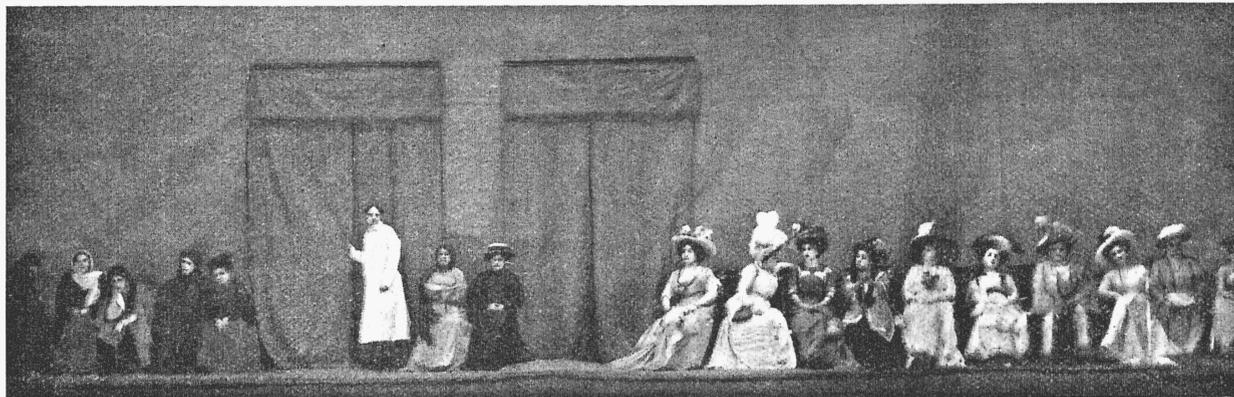
„Комедія брака“, С. Юшкевича.

Ольга Гольдманъ (г-жа Будкевичъ), Сема Гольдманъ (г. Дув.-Торцовъ), Янкелевичъ (г. Урванцовъ) и Брикъ (г. Орловъ-Чужбининъ).

(Съ фотографіи Гудшонъ и Губчевскій).

Пьеса г. Юшкевича мнѣ лично не понравилась, но я не могу отрицать несомнѣнный ея успѣхъ: пьеса дѣлаетъ сборы, вызвала оживленный обмѣнъ мнѣній на столбцахъ мѣстной прессы, публика живо реагируетъ на происходящее на сценѣ. „Комедія брака“ типичная пьеса à thèse. Пьеса написана для доказательства заранѣе намѣченныхъ авторомъ положеній. „Идеи“ г. Юшкевича сводятся къ ряду отрицательныхъ формулъ: не слѣдуетъ нарушать святости семейнаго очага; не слѣдуетъ замыкаться въ кругѣ заботы о матеріальномъ благополучіи; не слѣдуетъ избѣгать материнства; не надо оставлять на произволъ судьбы воспитаніе дѣтей. Рисуетъ повседневная жизнь семьи Гольдмановъ. Нужно иллюстрировать растлѣніе нравовъ буржуазнаго еврейскаго общества, авторъ заставляетъ своего героя Гольдмана вмѣстѣ съ мелкимъ маклеромъ Янкелевичемъ по пальцамъ пересчитывать, кто съ кѣмъ живетъ. Мало этого? Авторъ тогда показываетъ вамъ пріемную врача „спеціалиста“ по абортамъ, куда собралъ чуть-ли не два десятка дамъ и заставляетъ ихъ въ ожиданіи пріема вести весьма откровенные разговоры. Нужно г. Юшкевичу коснуться распада еврейства — онъ заставляетъ Гольдмана вести длинный „принципальный“ споръ со своимъ компаніономъ по торговымъ дѣламъ, Ефимомъ Розеномъ, и т. д. и т. д.

Событія, совершающіяся въ пьесѣ, (самоубійство Миши, драма Ефима Розена), эпизодичны, словно оторваны отъ общаго хода пьесы.

—*Ш* КІЕВСКІИ ТЕАТРЪ „СОЛОВЦОВЪ“. *Ш*—

„Комедія брака“, С. Юшкевича. Приемная врача „специалиста“.

(Съ фотографіи Гудшонъ и Губчевскій).

„Одесскій“ языкъ, которымъ написана пьеса—это „что-нибудь особеннаго“. Евреи часто плохо говорятъ по-русски, но изъ этого не слѣдуетъ, что и пьесы изъ жизни евреевъ надо писать на ломаномъ русскомъ языкѣ. Такимъ языкомъ рассказываютъ обыкновенно специфическіе анекдоты изъ еврейскаго быта.

Для постановки пьесы г. Дуваномъ специально былъ выписанъ режиссеръ г. Синельниковъ, ставившій пьесу и въ Одессѣ. Къ пьесѣ г. Синельниковъ подошелъ просто, безъ всякихъ мудрствованій лукавыхъ, заботясь лишь о томъ, чтобы возможно рельефнѣе выявить авторскій замыселъ, ничего не смягчая, ничего не затушевывая.

Во второмъ актѣ (который самъ г. Юшкевичъ въ интервью объявилъ символизированнымъ) не обошлось безъ сѣровато-синяго сукна, сдѣлавшагося непремѣнной принадлежностью всѣхъ пьесъ, претендующихъ на символичность. Пьеса въ общемъ шла въ живомъ и быстромъ темпѣ и разыграна была въ театрѣ „Соловцовъ“ очень недурно.

Лучшій исполнитель описываемаго спектакля г. Дуванъ-Торцовъ (Гольдманъ). Хорошо играли г-жи Будкевичъ и Чаруская (Ольга и Дора).

Прекрасно повелъ вначалѣ свою роль (Ефимъ Розень) г. Нератовъ, но подъ конецъ немного переигралъ и сбился съ тона. Отлично, рѣзко, но безъ подчеркиваній, смѣшно, но безъ шаржа, исполняетъ роль м-те Соловей г-жа Токарева. Выдержанно проводитъ роль Брика г. Орловъ-Чужбининъ.

„Комедія брака“ шла въ бенефисъ г-жи Будкевичъ. Бенефициантку очень тепло принимали. Присутствовавшій въ театрѣ г. Юшкевичъ былъ вызванъ и ему былъ поднесенъ вѣнокъ. Пьеса вызвала въ городѣ много разговоровъ. Автора обвиняли въ антисемитизмъ, и по этому поводу даже состоялась въ обществѣ еврейскихъ писателей бесѣда, въ которой принималъ участіе и г. Юшкевичъ, горячо защищавшійся противъ подобныхъ обвиненій.

„Письмо“ мое приняло настолько внушительные размѣры, что я принужденъ отложить бесѣду о другихъ явленіяхъ мѣстной театральнoй жизни до одного изъ ближайшихъ номеровъ журнала.

М. Рабиновичъ.**Похороны Коммисаржевской.**

Пасмурный день... Вѣлая сирень, бѣлая роза вѣнковъ такъ не вьжуются съ нимъ, какъ образы, когда-то благоухавшіе на сценѣ, съ траурнымъ вагономъ, съ запаяннымъ гробомъ. Рядъ колесницъ уже перегруженъ вѣнками. Огромная толпа на дворѣ, огромная толпа на перронѣ. И вотъ, наконецъ, тихо движутся надъ ней траурныя драпировки вагона. Громкій вопль локомотива, и вагонъ остановился... Обнажились головы. Открылся широкий четырехугольникъ вагонныхъ дверей... Чуть слышно до-

носится пѣніе.. «Вѣчная память» уже больше подѣли стала пѣсней Петербурга... Опять безкопечныя уже полуувядшіе вѣнки изъ вагона, предшественники бѣлаго тусклаго гроба, который высоко несутъ на плечахъ...

Съ какой силой вырывается погребальная пѣсня огромнаго хора изъ воротъ на площади, гдѣ несмѣтная толпа уже вылилась по обѣ стороны широкой улицы до самаго ея конца и на половину, можетъ быть, дивится небывалому невиданному триумфу, пусть запоздавшему, уже не нужному той, которая его не видитъ и не чувствуетъ, но столь необходимому для насъ. И какъ странно отгѣняетъ этотъ триумфъ силуэтъ грандіознаго всадника на грандіозномъ конѣ! Оказывается, что и нѣжная, хрупкая женская фигура владѣла чарами почти царскаго могущества...

День все тускнѣетъ. Вдали въ туманѣ чуть обрисовываются Лаврскія ворота. Можетъ быть, отъ тусклаго свѣта возбужденныя лица молодежи кажутся такими постарѣвшими, похудѣвшими. Какія безконечныя гирлянды ея сцѣпились руками, сколько совѣтъ особой торжественности придаютъ ея тихо надвигающіеся во всю ширину улицы густыя ряды съ неумолкаемымъ «Святый Боже». А позади въ туманѣ, до куда хватаетъ глазъ, колеблются головы, надъ ними колышутся бѣлыя султаны погребальныхъ лошадей, какъ-бы плывутъ другъ за другомъ холмы вѣнковъ. И съ балконовъ, изъ открытыхъ и закрытыхъ оконъ, съ подъѣздовъ, даже съ крышъ смотрятъ люди...

Какіихъ усилій стоитъ удержать толпу передъ воротами. Какъ медленно проглатываютъ они вслѣдъ за гробомъ и колесницами съ вѣнками. И на Лаврскомъ дворѣ опять толпа, сквозь которую безъ конца несутъ вѣнки. Не внести всѣхъ сразу. Холодные мовашескіе коридоры на мгновенье оживились вѣнками, разставленными на окнахъ...

Въ церкви полусумракъ. Кое-гдѣ въ иконостасѣ мерцаютъ свѣчи. Густая черная толпа оцѣпила гробъ, высоко стоящій на катафалкѣ. Катафалкъ не видѣнъ изъ подъ вѣнковъ, цѣлая гора ихъ на крышкѣ гроба, и все несутъ и несутъ... Во время панихиды, послѣдней передъ завтрашнимъ погребеніемъ, около гроба стало свѣтло отъ зажженныхъ свѣчей. Но когда съ послѣднимъ звукомъ послѣдней пѣсни онѣ погасли, сумракъ сталъ еще гуще...

Тускло поблескиваютъ боковыя стѣнки гроба, слабо пахнутъ сиренью и розами, хрустятъ и звенятъ передвижаемые металлическіе вѣнки, шелеститъ сдержанный говоръ... И какъ-то странно—у всѣхъ какъ бы нежеланіе, неохота уходить отсюда...

А. Р — ъ.

Сѣрый петербургскій день... Сыро, склизло... Небо свинцовое и такъ же плотно запаивающее, какъ тотъ гробъ, въ которомъ везутъ Коммисаржевскую и который сейчасъ долженъ прибыть изъ Москвы. Двѣнадцать часовъ. Толпа на Знаменской площади уже густо окружаетъ вокзалъ. «Счастливицы» съ билетами, выданными изъ канцелярїи Т. О., съ трудомъ пробиваются къ вокзалу. Билеты эти—простые, въ форматѣ визитной карточки, кусочки картона, съ слабыми слѣдами печати и именемъ предъявителя. И по жадному блеску глазъ изъ толпы, чувствуешь, что этотъ грязненнѣйшій кусочекъ картона, лежащій въ жилетномъ карманѣ, представляетъ собою въ данный моментъ цѣнность, которую можно было бы осчастливить любого или любую изъ чающихъ, но не получившихъ пропуска.

Вы знаете петербургскій вокзальный дворъ Николаевской дороги? О, это нѣчто удивительное! Для курьерскихъ и почтовыхъ поѣздовъ существуетъ, если не щеголеватый, то во всякомъ случаѣ, солидный перронъ, но для пассажирскихъ, дачныхъ и товарныхъ поѣздовъ нѣтъ ничего, кромѣ длинныхъ, плохо сколоченныхъ деревянныхъ мостковъ, съ грошевыми барьерами. Сначала стояли на мосткахъ. Линія вѣнковъ съ депутациями растянулась саженей на 100, если не больше—стояли въ давкѣ, въ тѣснотѣ, съ трудомъ протискиваясь къ своимъ вѣнкамъ и депутациямъ. Но потомъ стало еще хуже: сошли во дворъ, прямо въ лужи воды, въ выбоины, образовавшіяся отъ тающаго, но не стаявшаго льда. Никто не догадался сколоть ледъ на дворѣ вокзала, какъ скалываютъ его на улицахъ. Это одинъ изъ принциповъ, надо думать, желѣзно-лорезнаго хозяйства—предоставлять солнцу дѣлать работу ледоколовъ и уборщиковъ. Принципу не изменили и ради торжественной встрѣчи тѣла В. О. Коммисаржевской. И всѣ шлепали по грязи, переминаясь съ ноги на ногу и вздрагивая отъ сырости.

Говорили между собою... О чемъ? О разномъ! О Коммисаржевской, о театрѣ, о томъ, что такое жизнь и какъ тяжело жить, о томъ, что все глупо, о вѣнкахъ, которые стоили 100 руб. и были посредственны, и о тѣхъ, что стоили 50 и были превосходны. Говорили о томъ, что къ актеру Александринскаго театра г. Лерскому подошелъ студентъ и сунулъ какой-то вѣнокъ, который принесъ мальчишка изъ магазина, потому что заказать его заказали, а никто за нимъ не явился. И когда г. Лерскій взялъ этотъ «не помнящій родства» скромный вѣнокъ, то прочиталъ: «отъ дирекціи Императорскихъ театровъ». Не нашлось ни одного не то, что столоначальника или эскуатора, а даже курьера. Только мальчишка изъ магазина вспомнилъ. «Мы были всегда внимательны къ Коммисаржевской»—на-дняхъ сказалъ г. Теляковскій интервьюеру. Очень внимательны: и изъ театра выпроводили внимательно, и внимательно, честь-честью, проводили въ могилу...

Пряный аромат, струящійся отъ цвѣтовъ, возложенныхъ на печальныя колесницы, смѣшивается съ запахомъ сырой земли и испареніями разлагающагося льда. Пахнетъ могилы, въ которую набросаны цвѣты. И грустно дышать и говорить... Небо такое замкнутое, безпросвѣтное, зажавшее въ сѣдомъ туманѣ невыплаканныя слезы...

Подошелъ поѣздъ, вынесли гробъ, обнажили головы. Мелькнули блѣдныя, истомленные лица актеровъ, провожающихъ прахъ Коммисаржевской отъ Ташкента. Вотъ растерянное лицо Феона, вотъ Подгорный, съ незажившими слѣдами оспы. Двинулись медленнымъ шагомъ за гробомъ. Съ обѣихъ сторонъ двойная цѣпь взявшей за руки студенческой молодежи. Мы шли, окруженные цѣпью, или сѣдью, старѣющей, усталые, блѣдные, заматавшіеся, подъ охраной молодости и

подъ звонкой гуль ея, и думалось о томъ, что это символъ нашей жизни, символъ всей «жизни человѣка».

Вышли за ворота на площадь. Толпа была необозрима. Памятникъ Александру III чернѣлъ отъ народа. Унизаны были балконы, окна... И вся эта чернѣющая громада имѣла какъ-бы одинъ глазъ,—жадный, пытливый, грустный, вопиющій...

— Со времени похоронъ Тургенева—слышу я голосъ подлѣ себя—не было такихъ похоронъ.

Да, не было. Помню похороны Тургенева въ 1883 г.—онѣ были еще грандіознѣе—но больше не припоминаю. Скромнѣе были похороны Чайковскаго, Михайловскаго, Трубецкаго. Кого хоронять? Актрису!

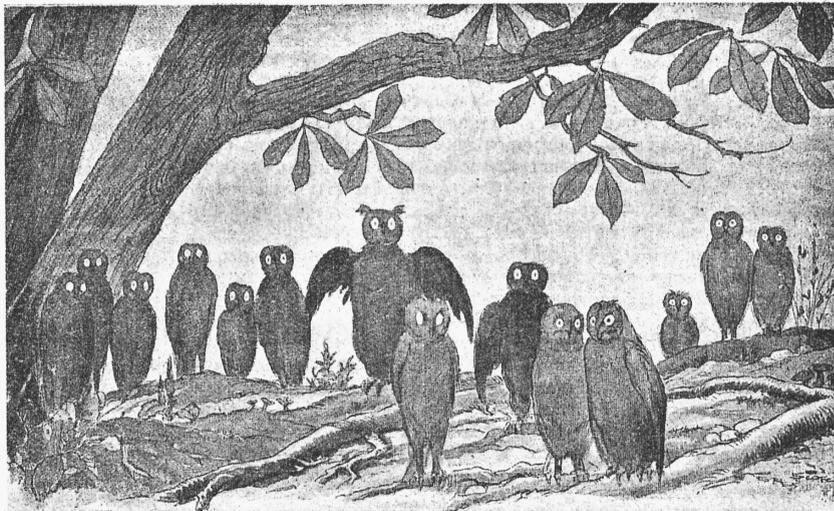
— Актрку!—говорить какая то поддевка на углу Калашникова проспекта, но говорить серьезно, безъ всякой улыбки.

Какой длинный путь борьбы за жизнь, за свое искусство, за право любить, какъ «я понимаю» (помните Магду въ «Роднѣ»?) и право па счастье, какъ «я разумѣю», должна была пройти актриса,—чтобы отъ проститутки старой китайщины и стараго міра, отъ переодѣтыхъ гисрїоновъ и «мицїоновъ» римскихъ папъ, отъ потерянной женщины старой италіанской комедїи, фигурантокъ оперы и пр.—дойти до поклоненія чистыхъ сердцемъ массъ, чуткихъ къ нравственному обаянію личности, до гражданскаго апогеоза, до національнаго траура, до этого добровольнаго крѣпа на незнакомыхъ худенькихъ женщинахъ и дѣвушкахъ.

Театръ идетъ своей дорогой, и необозримо уже пространство, которое онъ прошелъ. Но идти еще все-таки долго, и завоеванія въ общественномъ уваженіи, которыя сдѣланы выдающимися дѣятелями сцены, какъ Коммисаржевская, нужно закрѣплять. Вотъ мысль, которую слѣдовало сказать на могилѣ В. О. Изъ праха ея пусть выростутъ чистые, свѣтлые, какъ ландышъ, цвѣты театра, и всякая театральная скверна пусть омоется печальными слезами поминанія...

Н. Негоревъ.

Уже съ 10 часовъ утра на Знаменской площади и на прилегающихъ къ ней улицахъ замѣчалось особенное оживленіе: десятки тысячъ петербуржцевъ спѣшили къ Николаевскому вокзалу для встрѣчи В. О. Коммисаржевской. У воротъ вокзала, около Гончарной улицы, стояли студенты—распорядители, пропускавшіе во дворъ вокзала только лицъ, имѣвшихъ билеты. Къ 12 часамъ дня дворъ вокзала и платформа, къ которой долженъ былъ прибыть гробъ, были переполнены. Было много артистовъ, представителей литературы, прессы и лицъ другихъ интеллигентныхъ профессій, но пре-

„Chantecler“, Ростана.

Митингъ ночныхъ птицъ.

обладающимъ элементомъ оказалась все же учащаяся молодежь—курсистки и студенты.

Поѣздъ запоздалъ. Только во второмъ часу дня гробъ В. Ѳ. подошелъ къ платформѣ, и былъ встрѣченъ духовенствомъ, родственниками и почитателями покойной, хоръ студентовъ стройно пѣлъ „Святый Боже“. По установленіи гроба на дроги печальная процессія тронулась къ Александро-Невской лаврѣ, сопровождаемая многотысячной толпой. Движеніе трамвайное, конное и пѣшее по пути слѣдованія процессіи было прекращено.

За гробомъ слѣдовало семь колесницъ, съ вѣнками доставленными депутациями. Вотъ ихъ краткій перечень:

1) Большой фарфоровый вѣнокъ—отъ женскаго медицинскаго института; 2) изящный вѣнокъ съ надписью: „Дѣти Норы дорогой мамочкѣ“,—отъ дѣтей Рудиныхъ, вѣдшихъ вмѣстѣ съ Коммисаржевской въ турнѣ; 3) большой щитъ—отъ театральной школы имени Суворина; 4) большой щитъ съ фарфоровымъ вѣнкомъ и цвѣтами, наверху лира съ порванными струнами—отъ учащихся консерваторіи; 5) большой вѣнокъ—отъ высшихъ женскихъ Бестужевскихъ курсовъ; 6) отъ оркестра русскаго музыкальнаго общества; 7) отъ варшавскихъ друзей; 8) „Свѣтлому образу В. Ѳ. отъ женскаго педагогическаго института“; 9) отъ слушательницъ женскаго политехническаго института; 10) отъ дирекціи харьковскаго драматическаго театра А. Н. Соколовскаго съ надписью „Свѣтлой памяти почившаго таланта“; 11) пальмовая вѣтвь съ траурными лентами и портретомъ В. Ѳ.—отъ почитателей; 12) лавровый вѣнокъ—отъ дирекціи Императорскихъ театровъ; 13) большой вѣнокъ—отъ редакціи „Театра и Искусства“ съ надписью: „Молнія поражаетъ людей, стоящихъ на высотѣ“; 14) вѣнокъ отъ студентовъ горнаго института; 15) роскошный вѣнокъ изъ пальмовыхъ вѣтвей съ летящей надъ ними чайкой—отъ учащихся Императорскихъ драматическихъ курсовъ; 16) вѣнокъ отъ труппы Екатерининскаго театра; 17) большой вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ и сирени—отъ высшихъ женскихъ курсовъ; 18) вѣнокъ отъ литературно-художественнаго общества—широкая желтая лента, съ надписью: „Драмъ русской драмы“, 18) отъ воляго женскаго университета; 19) отъ общедоступнаго театра народнаго дома графини Паниной—съ надписью „Первой чайкѣ“. „То былъ прекрасный день, какихъ немного было и этого дня погасъ“ 20) отъ кievскаго антрепренера Кручинина; 21) отъ студентовъ г. Кіева; 22); 23) отъ слушательницъ первыхъ политехническихъ курсовъ; 24) вѣнокъ отъ студентовъ и врачей военномедицинской академіи съ надписью „Безвременно погибшему таланту“ 25) вѣнокъ изъ ландышей съ надписью „Артисткѣ гражданкѣ“,—отъ думскихъ трудовиковъ; 26) „Безсмертной чайкѣ—студенты петербургской духовной академіи“; 27) большой вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ отъ студентовъ политехническаго института; 28) оригинальный вѣнокъ изъ разныхъ породъ деревьевъ—отъ студентовъ спб. лѣснаго института; 29) букетъ отъ студентовъ гражданскаго института; 30) вѣнокъ отъ труппы, игравшей съ Коммисаржевской въ Ташкентѣ, привезенный оттуда артистами, съ надписью: „Благословенна ты въ женахъ“; 31) вѣнокъ съ надписью: „Радуясь небу, принявшее душу“; 32) огромный вѣнокъ отъ студентовъ Спб. Универс. съ надписью: „Свѣтлой искательницѣ новыхъ путей, близкой и родной намъ“; 33) пальмовыя вѣтви отъ одесскаго городского театра съ надписью: „Гордости русской сцены“; 34) большой лавровый вѣнокъ отъ Императорскаго русскаго драматическаго театра; 35) отъ школы сценическаго искусства съ надписью: „Свѣтлый духъ твой да живетъ неизмѣнно въ насъ“; 36) серебряный вѣнокъ съ надписью: „Дорогой памяти великой артистки—петербургская адвокатура“; 37) пальмовая и серебряная вѣтвь—отъ спб. юридическаго собранія; 38) большой вѣнокъ отъ литературнаго фонда; 39) отъ художественнаго кружка высшихъ женскихъ курсовъ; 40) небольшой портретъ В. Ѳ. въ серебряномъ вѣночкѣ на надмогильный крестъ—отъ группы почитателей; 41) серебряный вѣнокъ отъ труппы „Кривого зеркала“ и „Сказки“ съ надписью: „Плачущей тишинѣ“; 42) серебряный вѣнокъ съ надписью: „Лучу, вѣчно женственному, нашей Гильдѣ, слушавшей арфы въ воздухѣ“—отъ аудиторіи драматическаго театра; 43) серебряный вѣнокъ съ надписью: „Вѣлому ландышу русской сцены—Тенишевцы“; 44) серебряный вѣнокъ отъ артистовъ театра литературно-художественнаго общества съ надписью: „Прекрасной В. Ѳ., ея живой душѣ, прекрасному таланту“; 45) вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ—отъ друзей-латышей съ надписью: „Послѣдній привѣтъ“ отъ друзей“; 46) роскошный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ—отъ Л. В. Яворской; 47) большой вѣнокъ—отъ спб. литературнаго общества; 48) огромный вѣнокъ отъ театрального общества; 49) отъ издательства „Шиповникъ“; 50) отъ Передвижнаго театра съ надписью: „Мы хотимъ вѣрнѣе въ загробную жизнь“; 51) отъ частныхъ женскихъ медицинскихъ курсовъ съ надписью: „Маленькой Норѣ ушедшей отъ насъ“; 53) отъ студентовъ-технол. „Свѣточу искусства“; 54) отъ московской труппы Неплюбина съ надписью: „Вѣчная память дорогой нашей В. Ѳ.“; 55) отъ вольнослушательницъ московскаго университета съ надписью: „Я расскажу имъ всемъ страданія любви“; 56) отъ редакціи газетъ: „Рѣчь“, „Новая Русь“ и др.; 57) отъ

Леонида Андреева. На лентахъ отпечатано слѣдующее стихотвореніе:

Душѣ, страдавшей въ тѣснахъ жизни,
Душѣ, носившей оковы тѣла
Изъ звона ихъ красу создавшей
Душѣ свободной! Душѣ возставшей!
Землю отдавшей для той отчины,
Гдѣ свѣтлымъ грезамъ ужъ нѣтъ предѣла.

и много, много другихъ, вѣроятно болѣе двухсотъ, частью отъ петербургскихъ депутатій, частью привезенные въ поучальномъ поѣздѣ изъ городовъ по пути слѣдованія.

20 февраля состоялись похороны В. Ѳ. Опять несмѣтная толпа провожатыхъ, взволнованная, грустная, скупое и тихо перекидывающаяся словами и слова эти или Вѣра Федоровна или о Вѣрѣ Федоровнѣ.

Послѣ заупокойной литургіи гробъ съ останками покойной на рукахъ родственниковъ и товарищей-артистовъ былъ вынесенъ изъ церкви и перенесенъ на Никольское кладбище Лавры. Бѣлый гробъ бѣлой чайки опустили въ могилу. Торжественная тяжелая тишина. Затѣмъ начались рѣчи. Дрожащими голосомъ, съ глазами полными слезъ, началъ говорить В. Н. Давыдовъ:

„Наша, дорогая, милая, хорошая В. Ѳ. умерла. Мы потеряли нашу драгоценность, нашу В. Ѳ. Она умерла. Какъ холодно звучитъ это слово! Умерла-ли она? Да! Какъ ни ужасно, она умерла; но сильный духъ, могучій талантъ, ея чистая, добрая душа живетъ среди насъ и будетъ жить вѣчно. Злая судьба поступила безпощадно, вырвавъ изъ нашего драматическаго вишневаго сада чудное деревцо. Гдѣ-то далеко отъ насъ, какъ-то жестоко, обидно нелѣпо, отъ страшной болѣзни умерла В. Ѳ., но вѣсть объ ея кончинѣ поразила всю Россію. Мы всѣ, какъ одинъ человекъ, дрогнули, набожно перекрестились и почувствовали себя сиротами, утративъ что-то необходимое каждому изъ насъ. Вѣчно борящаяся, ищущая новыхъ путей, приносившая даже себя въ жертву искусству, она вдругъ неожиданно, среди труда и заботъ, какъ мотылекъ, сгорѣла на огнѣ и ушла въ лучшей міръ покоя и правды.“

Поднимите глаза, оглянитесь вокругъ, загляните въ газетные листы, она соединила театральный міръ со всѣми. Наука и искусство, литература, рабочіе,—всѣ пришли проститься съ нею до общаго радостнаго утра, и такъ было по всему пути слѣдованія траурнаго поѣзда по необъятной Россіи. Что-то небывалое, стихійное, исключительное. Теперь я понимаю, почему она говорила, что никогда не умретъ. Память о ней будетъ вѣчно жить среди насъ.

Прими же нашу благодарность за свою ласку, за свой умъ, за чудные твои образы, которые составляли насъ вмѣстѣ съ тобою радоваться и плакать. Миръ тебѣ“.

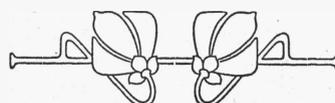
Второе слово сказалъ г. Арабажинъ. Смыслъ его рѣчи былъ таковъ: В. Ѳ. выступила на сценѣ въ то время, когда драматическое искусство вступило въ новую фазу своего развитія. Явился Чеховъ, прежнія формы устарѣли, театр вступилъ на новый путь, на которомъ первой и успѣшнѣйшей дѣятельницей оказалась В. Ѳ. Ораторъ упрекалъ русское общество, столь богатое родными талантами, въ неумѣнны хранить оберегать, лелеять ихъ. Закончивъ свою рѣчь превозглашеніемъ вѣчной памяти покойной. Послѣ его слова всѣми присутствовавшими была пропѣта „вѣчная память“.

Затѣмъ говорили артисты Императорской оперы Серебряковъ, шлиссельбуржецъ Н. А. Морозовъ и журналистъ Адриановъ, съ чувствомъ прочла стихотвореніе Щепкиной-Куперникъ „Чайка убита, сломана лилія“... Л. В. Яворская, говорили еще студенты, курсистка, артистъ Невольинъ и бутафоръ Заблоцкій. Послѣдній въ небольшой, но задумчивой рѣчи, охарактеризовалъ В. Ѳ. какъ антрепренершу, смотрѣвшую на низшихъ служащихъ сцены не какъ на прислугу, а какъ на людей полезныхъ, необходимыхъ сотрудникамъ артистовъ.

Подошелъ къ могилѣ членъ Г. Думы А. И. Гучковъ, сказавшій скорбнымъ и тихимъ голосомъ: „Прости насъ В. Ѳ. Помолитесь, господа, о ея душѣ“.

Много хорошихъ, теплыхъ словъ было сказано надъ свѣжею могилою, но ихъ можно было сказать много больше... Удивлялись, что не говорилъ, кромѣ В. Н. Давыдова, никто изъ именитыхъ артистовъ и артистокъ...

А. Курбскій.

Къ кончинѣ Коммисаржевской.

Близкіе друзья покойной Вѣры Федоровны Коммисаржевской — сообщаютъ, что родная ея мать, первая жена извѣстнаго пѣвца Федора Петровича Коммисаржевскаго — Марія Николаевна — живетъ въ Царскомъ Селѣ, Магазейная ул., д. 6, кв. 6. Этимъ лѣтомъ Вѣра Федоровна провела у своей престарѣлой матери двѣ недѣли.

Намъ пишутъ изъ Нижняго Новгорода: Кончина Коммисаржевской почтена была панихидою въ труппѣ Николаевского театра и въ труппѣ Новаго Общедоступнаго театра.

По единодушному желанію труппы Рыбинскаго Литер.-Музык.-Драматическаго Кружка 13 февраля отслужена панихида по безвременно скончавшейся Вѣрѣ Федоровнѣ Коммисаржевской.

Уполномоченный Совѣта Театральнаго Общества *В. Соснинъ*.

Редакціей получена слѣдующая телеграмма изъ Александрии отъ 14-го февраля: „Публичной отслужена панихида по Коммисаржевской. Изъ мѣстной труппы присутствовали только Ушаковъ, Арцишевскій“.

Московскій литературно-художественный кружокъ взялъ на себя открытіе подписки, сборъ средствъ и заботы о постановкѣ памятника на могилѣ В. О. Коммисаржевской. Съ этой послѣдней цѣлью рѣшено образовать особый комитетъ и пригласить къ участию въ немъ представителей театровъ, художественныхъ учреждений, а также семьи почившей Вѣры Федоровны.

Взносы слѣдуетъ направлять въ контору кружка (Москва, Б. Дмитровка, д. Востряковъхъ, л.-х. кружокъ).

Въ ознаменованіе памяти В. О. Коммисаржевской, по инициативѣ друзей покойной, рѣшено издать сборникъ памяти В. О.

Кромѣ подробной біографіи, въ сборникѣ предполагается помѣстить статьи о ея сценической дѣятельности, критическія статьи, воспоминанія, стихотворенія и проч.

Материалы и статьи слѣдуетъ направлять Е. П. Карпову, по адресу: С.-Петербургъ, Гончарная, 23, кв. 4.

Въ Ташкентѣ одну изъ улицъ города предположено наименовать улицей Коммисаржевской.

Кромѣ московск. Литер.—Худож. Кружка, открыло подписку на „фондъ имени В. О. Коммисаржевской“ газ. „Русское Слово“. По 18 февраля въ контору газеты уже поступило свыше 250 руб. Не сомнѣваемся, что сценическій міръ откликнется на инициативу печати. Контора нашего журнала открыта для пріема подписки. О томъ, какое сдѣлать назначеніе фонду, поговоримъ особо.

Намъ телеграфируютъ изъ Вологды отъ 20 февраля: „Сегодня въ театрѣ драматической труппой Вяхирева и Орлова, въ присутствіи губернатора, уполномоченнаго Театральнаго Общества и почитателей, отслужена панихида по скончавшейся Коммисаржевской“.

По провинціи.

Астрахань. „Астрах. Лист.“ помѣстил „вынужденное объясненіе передъ публикой“:

„Вчерашней замѣткой объ „Уриэль Акостѣ“ мы закончили наши систематическіе отчеты о спектакляхъ въ текущемъ сезонѣ. Причины тому слѣдующія.

На этихъ дняхъ г. Долинъ, явившись въ редакцію, принесъ горькую жалобу на рецензента, портящаго дѣло труппѣ. По словамъ г. Долина, къ нашимъ рецензіямъ публика относится внимательно и, встрѣчая неодобрительные отзывы о репертуарѣ послѣдняго времени, начинаетъ холодно относиться къ театру, что особенно было замѣтно послѣ замѣтокъ о рядѣ поставленныхъ фарсовъ. Затѣмъ, по мнѣнію г. Долина, онъ не обязанъ преслѣдовать воспитательныя цѣли и можетъ вести свое коммерческое дѣло соответственно требованіямъ и вкусамъ публики“.

Къ такому рѣшенію газета пришла потому, что давать сплошь хвалебные отзывы о труппѣ и о распорядительствѣ г. Долина она, конечно, не можетъ; замалчивать неприятныя или недопустимыя стороны дѣла — не считаетъ себя въ правѣ.

Бакъ. Съ 14 февраля, въ театрѣ-циркѣ бр. Никитиныхъ, начались гастроли С. Т. Строевой-Сокольской, приглашенной дирекціей драматической труппы М. И. Каширина на 5 спектаклей. Артистка выступитъ, между прочимъ, въ „Анфисѣ“.

Воронежъ. Г. Миролубовъ пригласилъ г-жу Карелину-Раичъ въ составъ труппы, съ которой онъ намѣренъ совершить Великимъ постомъ поѣздку по Россіи.

Вязьма. Прекратились спектакли въ антрепризѣ Бидшофъ-Нѣжинской. Причиной явилось то, что пять главныхъ артистовъ труппы покусала бѣшеная собака и они должны были спѣшно выѣхать въ другой городъ, такъ какъ въ Вязьмѣ нельзя было сдѣлать прививокъ.

Екатеринбургъ. Здѣсь разыгралась настоящая „сконапель истуаръ“, героями которой являются г-жа Жвирблисъ и г. Генисъ съ одной стороны, и г-жа Зарайская (антрепренерша) и г. Гусачевъ — съ другой. Мѣстные газеты переполнены письмами „сторонъ“. Фактическая картина такова: г-жа Жвирблисъ, отказавшаяся, въ качествѣ „молодой героини“, играть роль герцогини (52 года по ремаркѣ) въ „Израилѣ“ Бернштейна, была оштрафована чуть ли не на 250 руб. Раззубѣтая, покричала, послѣ чего г. Гусачевъ сказалъ, что она кричитъ, какъ на базарѣ, а она, въ свою очередь, дала г. Гусачеву пощечину. По словамъ г-жи Жвирблисъ, „въ это же мгновеніе г-жа Зарайская бросилась на меня и стала царапать мнѣ лицо. Дальше я ничего не помню, такъ какъ лишилась чувствъ, впадъ въ глубокой обморокъ“.

Въ письмѣ труппы и г-жи Зарайской о „взаимности обиды“ т. е. о царапаніи ничего не говорится, но о царапаніи говорить также и г. Генисъ, котораго избилъ г. Гусачевъ. Эти мелочи, въ общемъ, создаютъ очень типичную картину. Но быть можетъ, еще болѣе характерно, что тутъ же состоялся „товарищескій судъ“, и актеры отказались отъ участія въ бенефисѣ г-жи Жвирблисъ, и „потребовали“ „удаленія“ послѣдней изъ труппы.

Конечно, поступокъ г-жи Жвирблисъ безобразный, но вотъ что рассказываетъ г-жа Жвирблисъ. О томъ, имѣетъ ли право она отказаться отъ роли герцогини, былъ посланъ запросъ въ Совѣтъ Театр. Общества.

„О сдѣланномъ имъ запросѣ, — пишетъ г-жа Жвирблисъ, — какъ и о полученномъ 3 февраля отвѣтѣ, я не знала, въ противномъ случаѣ я не стала бы объясняться по вопросу, рѣшеніе котораго Совѣтомъ Театр. Общ. для меня обязательно, согласно общимъ правиламъ нашего договора. Получивъ вечерней почтой 3 февраля отвѣтъ отъ Сов. Театр. Общ., г. Гусачевъ рѣшилъ использовать этотъ отвѣтъ, какъ ловушку для меня, для чего онъ, по истеченіи почти мѣсяца, снова потребовалъ отъ меня, чтобы я приняла роль герцогини. На мое возраженіе, что отъ этой роли я и теперь отказываюсь такъ же, какъ и мѣсяць назадъ, я была обругана г-жей Зарайской „торговойкой“. — Я ушла къ себѣ въ оборную, недоумѣвая, зачѣмъ имъ понадобилось поднимать эту старую, давно забытую, исторію о роли герцогини. Вскорѣ послѣ этого я увидѣла вывѣшенное объявленіе о наложенномъ на меня штрафѣ за отказъ отъ роли вмѣстѣ съ отвѣтомъ Сов. Театр. Общ. Тогда я сразу поняла, въ какую ловушку я была поймана“.

Этимъ словамъ г-жи Жвирблисъ можно вполне вѣрить, и едва ли стала бы она рисковать, зная отвѣтъ Совѣта.

Однако, неужели Совѣтъ нашелъ, что роль герцогини обязана играть актриса на роли молодыхъ героинь? Тогда это очень неправильное рѣшеніе. Эта роль опредѣленно принадлежитъ къ амплуа „пожилыхъ героинь“. И либо г-жа Жвирблисъ ошибается насчетъ своего амплуа, либо Совѣтъ Т. О. не вникъ (а вникать „суду“ должно внимательно) въ характеръ роли.

Мѣстное общественное мнѣніе на сторонѣ артистки и извиняетъ ея поступокъ тяжелой театральной атмосферой и пристрастнымъ отношеніемъ къ артисткѣ со стороны дирекціи.

— По словамъ газетъ, 27 января въ Екатеринбургѣ изъ номера „Американской гостиницы“ скрылся дававшій въ городѣ концерты со своей капеллой г. Завадскій. Г. Завадскій остался долженъ гостиницѣ 22 руб. По вскрытіи номера, тамъ оказалась корзина со старыми галошами и др. вещами. Подобное бѣгство было совершено г. Завадскимъ изъ г. Вятки и по слухамъ изъ Челябинска. Капелла была отправлена раньше въ Омскъ, куда, какъ предполагаютъ, уѣхалъ и Завадскій.

Елисаветградъ. Артистка мѣстной труппы Трефилова покушалась вслѣдствіе семейныхъ неурядицъ отравиться морфіемъ. Ее спасли.

Казань. На-дняхъ сгорѣлъ до тла лѣтній театр въ саду „Эрмитажъ“. Зданіе театра, находящееся въ немъ театральное имущество (декорации, мебель и т. п.) сгорѣли. Зданіе цирка уцѣлѣло.

Керчь. Здѣсь открыта подписка на постройку городского театра; съ этой цѣлью выпущены 2000 паевъ по 500 руб. каждый.

Кіевъ. На будущій сезонъ составъ труппы театра „Соловцовъ“ опредѣлился такъ: г-жи Дарьяль, Юрнева, Чарусская, Токарева, Карпова, Гофманъ, Клементьева и др., гг. Недѣлинъ, Павленковъ, Мурскій, Рудницкій, Бѣлиновичъ, Волховской, Кузнецовъ, Леонтьевъ, Лаврецькій, Максимовъ, Сухановъ и др.

Николаевъ. Театръ Шефферъ на будущій сезонъ сданъ антрепренеру С. В. Писареву за 6,500 рублей, кромѣ вѣшалки, — что составляетъ въ общемъ сумму почти въ 13,000

рублей. Управляющимъ театромъ и администраторомъ группы приглашенъ Р. В. Олькеничъ. Главнымъ режиссеромъ артистъ Гордичъ, на роли индѣице г-жи Лѣсная и Волохова, на роли неврастеника и простака г. Крамовъ.

И-Новгородъ. Выясняется понемногу составъ будущаго сезона; приглашены гг. Дементьевъ, Орскій, Людвиговъ, г-жи Стопорина, Миличъ. Г. Тугановъ и г-жа Огинская кончили въ Ригу къ Михайловскому; г. Олигинъ подписалъ контрактъ въ Ростовъ-на-Дону. Г. Строитель въ Воронежъ.

Одесса. Программа спектакля Театрального Общества подверглась критикѣ со стороны нѣкоторыхъ ревнителей нравственности, стоящихъ во главѣ гор. управления.

Первоначально даже было отказано въ ходатайствѣ поставить спектакль въ полной программѣ. И только телеграмма и. д. председателя совѣта Театрального Общества тайн. сов. Плющика-Плюшевскаго на имя одесскаго градоначальника и городского головы съ просьбой содѣлать устройству спектакля, несмотря на его экстравагантность, возымѣла дѣйствіе. Состоялось экстренное засѣданіе гор. управы, въ которомъ вопросъ о спектаклѣ вторично разсматривался и спектакль былъ разрѣшенъ по полной программѣ. Сборъ отъ спектакля достигъ 2,600 руб.

— Среди артистовъ городского театра возникла мысль устроить въ непродолжительномъ времени спектакль для улучшения матеріальнаго положенія находящагося теперь въ Италіи тяжело больного С. И. Горьлова. Болѣзнь артиста въ послѣднее время приняла угрожающій характеръ. Тяжело больной артистъ поселился въ Палермо, гдѣ за нимъ ухаживаетъ его сестра.

Рига. На роли драматическихъ инжениу на будущей сезонъ приглашена г. Михайловскимъ г-жа Польша.

Ростовъ-на-Дону. Въ Ростовскомъ театрѣ 9 февраля состоялась бенефисъ Н. М. Раевской. Поставлена была пьеса Дагны Пшибышевской „Грѣхъ“ и новая пьеса „Золотая свобода“. Несмотря на то, что въ тотъ вечеръ въ Машонкинскомъ театрѣ при почти полномъ сборѣ состоялся концертъ Сироты, — бенефисъ прошелъ при сборѣ почти въ 1.000 руб. Были оваціи, цвѣточныя и болѣе цѣнныя подношенія.

— Оберъ-канторъ Варшавской синагоги, г. Сирота, давшій 9 февраля концертъ въ театрѣ Машонкиной по шаляинскимъ цѣнамъ, привлекъ многочисленную публику. Сборъ достигъ 2,500 рублей.

— На-дняхъ въ бенефисъ г-жи Соколовской ставится пьеса Я. Гордина „Маріамъ Эфросъ“.

— Намъ пишутъ: Несмотря на чисто весеннюю погоду и на начало строительнаго сезона, что-то не слышно о возобновленіи новопоселенскаго лѣтняго театра, сгорѣвшаго въ августѣ прошлаго года. Дума, еще зимой, на словахъ, конечно, очень благожелательно отнеслась къ этому, а теперь замолкла. Тоже ничего не слышно о предложеніи актера А. И. Дара о постройкѣ въ городскомъ саду лѣтняго театра. Обидно, если такой театральныи городъ, какъ Ростовъ, на лѣто останется безъ театра.

Уфа. Назначенная къ постановкѣ на сценѣ Дворянскаго собрания „Анфиса“ Л. Андреева губернаторомъ запрещена.

Томскъ. Красноярская опера прекратила существованіе. Антрепренеръ Ахматовъ оставилъ артистовъ безъ всякихъ средствъ. Часть труппы прибыла въ Томскъ искать денегъ для отъѣзда обратно въ Европейскую Россію.

Самара. Теноръ г. Савостьяновъ, во время исполненія оперы „Самсонъ и Далила“ въ послѣдней сценѣ разрушенія храма, тяжело раненъ.

Севастополь. Городская управа заключила договоръ съ харьковскимъ дирижеромъ Г. Д. Черкасскимъ, обязаннымъ привезти въ Севастополь симфоническій оркестръ. Плата—12500 р. за весь сезонъ. Оркестръ будетъ играть на Приморскомъ бульварѣ съ 14 мая по 30 августа включительно. Такимъ образомъ теперь обезпеченъ весь музыкально-театральныи сезонъ: драма В. И. Никулина, опера г. Боголюбова, опера Валентети и украинская труппа г. Глазуненко.

Смоленскъ. На-дняхъ открыта при здѣшней женской гимназіи сцена-эстрада. Для открытія поставлена была опера-сказка „Рѣпка“, В. И. Сокальскаго, вариации на тему извѣстной народной сказки. Пьеса поставлена подъ руководствомъ дирижера мѣстнаго „Глинкинскаго кружка“, П. П. Троицкаго. Какъ онъ, такъ и всѣ исполнители — до 200 человѣкъ молодежи, видимо съ искренней любовью и увлеченіемъ отнеслись къ своей задачѣ. Обширный залъ гимназіи былъ переполненъ. Красивая по обстановкѣ и музыкѣ пьеса и исполнители имѣли большой успѣхъ.

Сумы, Харьк. губ. Драматическій театръ снятъ на лѣто: іюнь, іюль, августъ артисткой О. Д. Орликъ, а не г. Богдановскимъ, какъ было сообщено въ прошломъ № на основаніи полученной редакціей и, очевидно, вымышленной телеграммы.

Таганрогъ. Сборы въ городскомъ театрѣ все время очень хороши. За первые 4 мѣсяца, считая съ 29 сентября 1909 г., взято антрепризой Булатова болѣе 27,000 р.

— На будущей сезонъ городской театръ сдавъ артисткѣ г-жѣ Шателенъ для постановки драматическихъ спектаклей.

Договоръ съ городомъ уже окончательно подписанъ, при чемъ городомъ дана гарантія, что въ проектируемомъ циркѣ зимой драмат. спектаклей не будетъ.

Умань. На лѣто театръ снятъ артисткой театра Корша г-жей Никониной.

Харьковъ. Намъ пишутъ: въ театрѣ Муссури дѣятельно готовятся къ оперному великопостному сезону, — пишутся декорации, собираются части для купола и передѣлывается сцена. На-дняхъ пріѣзжалъ сюда режиссеръ Дума, чтобы осмотрѣть сцену.

— Гастроли Люце начались съ 12 февраля въ оперѣ „Севильскій цирюльникъ“. Артистка сдѣлала уже два полныхъ сбора и получила много цвѣтовъ и горячихъ привѣтствій. Публика встрѣтила свою любимицу съ распростертыми объятіями.

— Постомъ пойдетъ въ оперномъ театрѣ „Валкирія“, которую теперь дѣятельно разучиваютъ. Главные исполнители г-жи Асланова и Окунева, Энгель-Кронъ и Лазаревъ, дирижеръ Штейнбергъ. Заказаны декорации художнику Суворову. Костюмы готовятся по рисункамъ мюнхенской оперы. Оркестръ будетъ доведенъ до 50-ти человѣкъ.

— Въ оперномъ театрѣ подъ управленіемъ Л. П. Штейнберга состоялся большой симфоническій концертъ. Оркестръ составленъ былъ изъ 60-ти артистовъ. Огромный успѣхъ имѣла 5-ая симфонія Чайковскаго, продирижованная талантливымъ Л. П. Штейнбергомъ съ рѣдкимъ настроеніемъ. На долю его выпали безконечныя оваціи. Остальные оркестровыя вещи состояли изъ произведеній Грига, Лядова и Сибелюса.

Харьковъ. У Н. Н. Синельникова будетъ служить въ будущемъ сезонѣ дочь А. А. Пасхаловой.

Царицынъ-на-Волгѣ. Украинская труппа гг. Гайдамаки и Суслова ставитъ пьесу Л. Андреева „Анфиса“. Интернациональная труппа...

Провихціальная лѣтопись.

ОДЕССА. Для своего бенефиса Н. Н. Синельниковъ выбралъ сказку Островскаго „Снѣгурочку“. Спектакль былъ очень удачный какъ со стороны постановки, такъ и со стороны исполненія и сопровождался шумными оваціями по адресу бенефицианта. Чествовали своего режиссера и артисты: вся труппа во главѣ съ г. Багровымъ привѣтствовала г. Синельникова на сценѣ. Г-жа Юрьева прочла тепло-написанныи адресъ и поднесла бенефицианту цѣнный подарокъ отъ артистовъ. Сборъ былъ почти полный. Изъ исполнителѣй наибольшій успѣхъ имѣла г-жа Шухмина, давшая нѣжный, поэтический образъ Снѣгурочки и г-жа Коллэнъ, прекрасно проведшая роль Леля. Стмѣчаю также г-жу Лисенко, стильно и изящно сыгравшую красавицу Купаву и г-жу Меланикову безподобную Бобылиху. Г. Кручининъ былъ очень типиченъ въ роли Бобыля. Довольно характерный внѣшній обликъ сказочнаго царя Берендея далъ г. Валуа, но внутренняя сторона роли удалась артисту мало. Красивый исполнитель Мизгира г. Радичъ.

„Комедія брака“ Юшкевича стала боевой пьесой текущаго сезона. За короткое время она успѣла уже пройти 12 разъ при переполненныхъ сборахъ. Не смотря на шаржированность положеній и характеровъ, на томительныя длинноты, „Комедія брака“ — злая сатира на еврейскую буржуазію. Художественный, литературный въсь послѣдняго произведенія г. Юшкевича, впрочемъ, невеликъ. Исполненіе блестящее. Лучшее всѣхъ, пожалуй г. Степановъ. Его Гольдманъ удивительно яркая типичная фигура. Провосходно играетъ маклера г. Кручининъ. Съ большимъ комизмомъ ведутъ свои эпизодическія роли г-жи Мельникова и Рахманова.

Пьеса г. Юшкевича значительно поправила дѣла антрепризы. За январь мѣсяцъ поступило свыше 29 тысячъ, цифра небывалая въ драматическомъ сезонѣ чуть-ли не за все время существованія городского театра.

Въ Сибиряковскомъ театрѣ дѣлаопереточной труппы г. Ливскаго идутъ по прежнему блестяще. Изъ послѣднихъ новинокъ наибольшій успѣхъ имѣетъ „Графъ Люксембургъ“. Постановка и исполненіе „Графа Люксембурга“ очень удачная. Прекрасно, съ чистой фразировкой, поетъ и играетъ г-жа Барвинская, изящна и жива каскадная пѣвица г-жа Сара Линъ. Гг. Рошинъ (теноръ) и Днѣпровъ (баритонъ) съ большой музыкальностью ведутъ свои вокальные номера и весьма недурно справляются съ драматической стороной. Слѣдуетъ отмѣтить еще талантливаго комика, г. Глумина.

Теперь нѣсколько словъ о дѣятельности кружка, артистовъ и воспитанниковъ театральной школы, добросовѣстно дѣлающей свое дѣло на нашихъ окраинахъ. На-дняхъ я смотрѣлъ у нихъ „Сатану“ Гордина.

И постановка, и исполненіе отдѣльныхъ исполнителей про-

изводили весьма хорошее впечатлѣніе. Публика (простая, сѣрая публика окраинъ) съ напряженнымъ вниманіемъ слушала пьесу, шумно выражая свое одобреніе по окончаніи каждого акта. Наибольшій успѣхъ имѣлъ и мнѣ лично понравился г. Рогнѣдовъ въ роли Сатаны. У артиста красивый звучный голосъ, прекрасная читка, живой и сильный темпераментъ. Выгодное впечатлѣніе оставилъ г. Днѣпровъ, сыгравшій Гершелю Дубровнера. Въ исполненіи артиста была простота, естественность и подкупающая искренность переживаній. Недостаточно сильно и ярко были, пожалуй, переданы драматическіе моменты, но общій тонъ исполненія былъ выдержанъ очень недурно. Хорошая Цыпеню г-жа Ленская, жизнерадостная, веселая въ первыхъ актахъ и надломленная несчастьемъ въ послѣднемъ; недурная Добе г-жа Тарьева. Суховатой и однотонной вышла Фрейденю въ исполненіи г-жи Артемьевой. Исправляю нечаянную обмолвку въ своей корреспонденціи, помѣщенной въ № 4-омъ. По забывчивости ошибочно назвалъ артиста еврейской труппы г. Кутнера—Фахлеромъ.

Е. Г.

ВИЛЬНА. Понемногу намѣчаются планы на будущій сезонъ. Предвидится отказъ польской труппы въ городскомъ театрѣ; послѣдній всецѣло отдается г. Вѣляеву для ежедневныхъ русскихъ спектаклей, такимъ образомъ отпадаетъ менеджъ, требовавшій громадной затраты энергіи и отъ режиссера и отъ актеровъ. Выясняется приблизительно и составъ труппы будущаго сезона. Остаются: г-жи Саранчева, Вѣлозерская, Грандская, г. Строгановъ, Поплавскій, Михаленко. Есть надежды, что будетъ хорошій любовникъ—эта гага avis театральнаго рынка при современномъ репертуарѣ. Молодой съ благодарной вѣнчивостью, красивымъ голосомъ г. Мичуринъ успѣшно сдалъ экзаменъ передъ „театральнымъ совѣтомъ“ въ роли Чацкаго.

Спектакль—„Горе отъ ума“—благодаря интересу, сосредоточенному на Чацкомъ—Мичуринъ, Фамусовъ—Поплавскомъ и Лизѣ—Грандской, прошелъ очень недурно. Г-жѣ Грандской—премией Лизѣ съ неподдѣльнымъ лукавствомъ и задорностью—слѣдуетъ положительно остановиться на роляхъ *ingénue comique*.

Бенефисовъ въ нынѣшнемъ сезонѣ всего три: двухъ премьеровъ труппы—г-жи Саранчевой и г. Строганова и антрепренера г. Вѣляева. Въ бенефисъ г. Строганова-Боброва шель „Весенній потокъ“; пьеса имѣла не столько художественный успѣхъ, сколько явилась случаемъ для чествованія любимаго виленской публикой артиста,—вѣнки, цвѣты, цѣнные подношенія—все по общепринятому ритуалу. Изъ исполнителей отмѣтимъ г. Строганова—Сергѣя Хмарина, г-жу Саранчеву—Варвару и г. Ланко-Петровскаго—Володо.

Роковымъ образомъ сложившійся репертуаръ, распределеніе ролей, очень часто несоответствующее амплу актера для соблюденія равновѣсія въ ансамблѣ при отсутствіи перваго любовника, всѣ эти обстоятельства не дали возможности г. Ланко-Петровскому проявить себя съ наиболее выгодной стороны. Оглядываясь назадъ, я вижу его ясно лишь въ драмѣ „У моря“, остальные роли ступешались, не давъ отчетливаго впечатлѣнія, а между тѣмъ у этого актера, занимающаго скромное амплу втораго любовника, много мягкости, юношески-чистосердечныхъ интонацій и несомнѣнной опытности.

Смотрѣль я въ четвертый разъ „Сатану“, ради художественно-проникновенной игры Танскаго въ роли Лейзера-Бадхена, ради великолѣпной сцены его съ Мазикомъ (г. Строгановъ) въ III-мъ актѣ. Пьеса идетъ съ каждымъ разомъ все лучше и лучше. Сильное впечатлѣніе производитъ сцена съ окровавленнымъ талесомъ у г. Михаленко (Хацкель); я не считалъ его способнымъ на такую сильную драматическую экспрессию, тѣмъ болѣе, что въ первыхъ дѣйствіяхъ чувствуется въ его игрѣ нѣкоторая связанность, вызванная стараніемъ не акцентировать. Легкій же, едва уловимый акцентъ, необходимый при еврейскихъ оборотахъ фразъ, и это самое трудное въ роли, то, что такъ неподобно удается г. Танскому.

А. Мюс.

ТАМБОВЪ. Въ театральной жизни Тамбова наступило нѣкоторое оживленіе — въ зимнемъ театрѣ (Пуданцева) начинаются гастроли русской оперы подъ дирекціей Т. С. Любатовичъ и А. Н. Дракули.

Въ составъ труппы вошли: Е. Л. Львова (драм. сопрано), М. С. Полозова (кол. сопрано), Т. С. Любатовичъ (кол. сопрано), М. Е. Полозова (мец. сопрано), Н. П. Преве (мец. сопрано), Н. П. Комаровская (сопрано), Н. Д. Славинъ (теноръ), И. М. Долчинъ (теноръ), Д. Н. Чебановъ-Лавровъ (теноръ), В. В. Каневскій (баритонъ), П. Ф. Григорьевъ (баритонъ), А. С. Аркадовъ (баритонъ), И. И. Березнеговскій (басъ), А. Н. Дракули (басъ). Капельмейстеръ — Шаевичъ, балетмейстеръ — Морозовъ. Предполагаемый репертуаръ: „Аида“, „Фаустъ“, „Демонъ“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Карменъ“, „Травиата“, „Ворисъ Годуновъ“.

Оркестръ, сформированный Обществомъ Взаимопомощи оркестровыхъ музыкантовъ въ Москвѣ, оказался настолько слабымъ, что послѣ первой же репетиціи дирекціей начало спектаклей было отложено съ 14-го (какъ анонсировалось) на 17-ое февраля и изъ Правленія О-ва точно затребованы

новые музыканты, до прибытія которыхъ постановка спектаклей совершенно немислима.

Инцидентъ этотъ вызываетъ въ городѣ массу всевозможныхъ толковъ и труппа опасается, что послѣдніе дурно разяжутся на сборахъ.

„Не ко двору мы здѣсь пришли, видно“, сказалъ антрепренеръ тамбовской драматической труппы И. Погуляевъ на бенефисѣ одного изъ артистовъ и этой фразой прекрасно охарактеризовалъ состоянія дѣлъ драмы.

Дѣйствительно театръ пустуетъ, несмотря на всѣ усилія г. Погуляева какъ-либо заманить къ себѣ публику.

Гастролеры г-жи Карелина-Раичъ, Мельгунова-Чилеева и . . . борцы (!!) дѣлъ не поправили и послѣдніе еле выбрались даже изъ Тамбова.

Въ клубахъ весьма успѣшно играютъ г-жа Карташева и г. Азовскій, послѣ ухода отъ Погуляева, завоевавшие себѣ широкія симпатіи публики.

Концерты въ январѣ и февралѣ какъ отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, такъ и пріѣзжавшихъ гастролеровъ давали средніе сборы.

Клубы, маскарады, видимо, окончательно поработили тамбовцевъ.

П. Ф.

МОГИЛЕВЪ-ГУБЕРНСКІЙ. 22 декабря прошл. г. закончила спектакли драматическая труппа А. Г. Востокова и Г. К. Невскаго. Для послѣдняго спектакля была поставлена пьеса Рышкова „Обыватели“.

Въ большую заслугу труппѣ нужно поставить рядъ утренниковъ, на которыхъ поставлены были пьесы Гоголя, Островскаго, Грибоѣдова, Фонвизина, а также „Дуракъ“ Фюльда, шедшій передъ тѣмъ въ бенефисъ г. Невскаго.

Кстати нельзя не отмѣтить, что гг. Востоковъ и Невскій, какъ антрепренеры, были поставлены въ весьма неблагоприятныя условія по эксплуатаціи театра, снятаго ими не непосредственно отъ городского управленія, а отъ третьяго лица г. Вѣляева, причѣмъ послѣдній взялъ, конечно, повышенную плату за помѣщеніе театра, имѣя при этомъ доходъ отъ вѣшалки и буфета. Въ интересахъ дѣла лучше было бы, если бы городское управленіе сдавало театръ въ руки непосредственныхъ антрепренеровъ. Какъ говорятъ, шагъ въ этомъ отношеніи уже сдѣланъ, и городъ вошелъ въ непосредственные переговоры съ гг. Востоковымъ и Невскимъ, какъ антрепренерами о сдачѣ имъ театра.

Насколько удачна какъ въ матеріальномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи первая половина сезона, настолько слаба вторая. Пріѣхавшее на смѣну драмѣ товарищество опереточныхъ артистовъ, подъ управленіемъ г. Шварца, не имѣло въ своемъ распоряженіи ни исполнителей, ни репертуара. Поставивъ нѣсколько спектаклей при почти пустомъ театрѣ, оно должно было перекочевать въ Бобруйскъ. Затѣмъ прибыла малорусская труппа въ составѣ 18-человѣкъ, включая сюда и хоръ, г. Березняка, которая также не пользовалась успѣхомъ и едва свела концы съ концами. Въ настоящее время театръ пустуетъ.

Дѣла народнаго театра въ текущемъ году тоже не блестящи. Одна изъ главныхъ причинъ слабыхъ дѣлъ въ этомъ театрѣ—отсутствіе постояннаго режиссера. Въ виду этого многие изъ любителей пробовали свои силы по постановкѣ спектаклей, но ничего не вышло. Такъ, въ началѣ сезона постановка спектаклей была поручена комитетомъ г. Лукьянову, который послѣ постановки нѣсколькихъ неважныхъ по сбору спектаклей, да и то не каждое воскресенье, отказался. Засимъ послѣ отказа г. Лукьянова передъ Рождествомъ дѣло было поручено другому любителю г. Сыркину, но этотъ удосужился поставить одинъ спектакль въ срединѣ января. Нельзя кстати не отмѣтить, что въ большинствѣ случаевъ повторялись пьесы, поставленныя г. Подберескимъ, бывшимъ въ теченіе многихъ лѣтъ режиссеромъ нашего народнаго театра и вложившаго въ него много труда и энергіи. Изъ новыхъ для народнаго театра пьесъ шли „Въ новой семьѣ“ какъ рядовой спектакль, и какъ случайный—„Испорченная жизнь“.

Зритель.

Н-НОВГОРОДЪ. Быстро катится къ концу сезонъ... Январь поднялъ сборы—и довольно значительно; привились двѣ пьесы: „Афиса“—три полныхъ съ аншлагомъ сбора по общедоступнымъ цѣнамъ, „Синяя птица“, теперь уже дѣтская пьеса. Удешевленные спектакли (по цѣнамъ отъ 5 к. до 1 р.) вошли въ обиходъ и очень усердно посѣщаются. Отпраздновали и Чехова: вашъ корреспондентъ прочиталъ рефератъ „Чеховъ въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ“, затѣмъ возложили вѣнокъ и сыграли „Дядю Ваню“. Зато съ новинками никакъ не клеится: „Осель Буридана“ вызвалъ рѣзкую отповѣдь со стороны мѣстныхъ газетъ, такъ что П. П. Медвѣдевъ писалъ даже покаянное письмо, бичуя себя за преступленіе. Какимъ-то фуксомъ среди невыдержаннаго репертуара проскочилъ Ибсенъ съ „Столпами общества“. „Власть плоти“ дала сборъ чуть не меньше 100 р. Продолжались и бенефисы: „Флиртъ“—дирижера оркестра; г. Каломейцева, выкопавшаго „Убийство Коварлей“, гдѣ паровозъ спасъ пьесу. Г-жа Аргутинская поставила „Послѣднюю волю“ (одинъ изъ самыхъ удачныхъ спектаклей въ сезонѣ), г. Истоминоу-Костровскій взялъ „Мо-

лодежь" и "Пассажира", блеснув въ послѣднемъ яркой, сильной игрой. Такъ оканчивается сезонъ, со сборомъ за 4 мѣсяца 44,000 руб. Въ общемъ какой-то странный, сѣрый сезонъ; прекрасныя постановки нѣкоторыхъ пьесъ, большія затраты на постановку, успѣхъ немногихъ пьесъ и полная невыдержанность репертуара съ воскрешеніемъ архаическихъ пьесъ, отсутствіе въ труппѣ "любимцевъ публики". Всѣ какъ-то слились въ одну массу: ушелъ изъ сознанія публики г. Строитель, крупный актеръ, относительнымъ, далеко не шумнымъ успѣхомъ пользуется г. Тугановъ, болѣе интересный въ старыхъ пьесахъ, роляхъ костюмныхъ; пожалуй, г. Истоминъ-Костровскій можетъ занять амплуа "любимца". Не чувствовалось живой души во всемъ сезонѣ, несмотря на всю—и очень серьезную—солидность предприятия.

Другое дѣло Новый театръ: тамъ все суды, суды и суды.

Положеніе антрепренера г. Алексѣева по истинѣ трагическое: то его тянутъ за неуплату суточныхъ во время поѣздки въ Сорново, то предъявляютъ искъ за отказъ въ бенефисѣ (г-жа Бартелевичъ, г. Бестужевъ). Во всемъ сказывается неопытность антрепренера, случайнаго человѣка въ театральномъ дѣлѣ. Я не юристъ, не могу разобраться во всѣхъ тонкостяхъ дѣла; здѣсь, можетъ быть, есть и личные мотивы, но мнѣ странно представляется напр. претензія г. Бестужева на полный бенефисъ. Будто-бы и полный сборъ?

Служить мишенью для юмористическихъ стихотвореній, фигурировать въ камерѣ мирового судьи—какая завидная участь для антрепренера! Народному дому вообще не везетъ: покойный Тихомировъ сбѣжалъ отсюда, измученный, теперь судьбища актеровъ, когда же наконецъ театръ попадетъ въ настоящія руки?
Н. С.—нб.

Редакторъ О. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофѣева (Холмская).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

СПБ. ГИНЕКОЛОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ.

5-я Рождественская, д. 4, прот. ул. Жуковскаго.

Пріемъ больныхъ страдающихъ женскими, акушерскими и хирургическими болѣзнями. Имѣются вполне оборудованныя: водолечебница, грязелечебница, электролечебница и свѣтолечебница и отдѣленіе для гимнастики и массажа.

Плата: отдѣльная комната отъ 4 руб., общая отъ 3 руб.

Амбулаторный пріемъ ежедневно отъ 11 до 4 ч. и отъ 7 до 8 ч. веч.

Телефонъ 23-59 и 70-03.

Институтъ открытъ въ теченіи всего года.

Карандаши для грима

ПУДРА
БѢЛИЛА
РУМЯНА

ГУБНАЯ ПОМАДА

Т-во А. РАЛЛЕ и К^о.

М. СОКОЛОВЪ.

Работавшій много лѣтъ у Г. МОЗЕРЪ и К^о.

Какъ специалистъ предлагаетъ по фабричнымъ цѣнамъ слѣд. его сорта часовъ, лично имъ точно проверенные съ ручательствомъ на 5 лѣтъ.

Ст. муж. час. отъ 2.50 до 28 р.	Сер. дам. час. отъ 6.75 до 19 р.
Ст. дам. " " 3 " 15 "	Зол. муж. " " 35 " 225 "
Сер. муж. " " 7.50 " 25 "	Зол. дам. " " 18 " 125 "

МАГАЗИНЫ и МАСТЕРСКІЯ ЧАСОВЪ,
ЗОЛОТО, СЕРЕБРО и БРИЛЛІАНТЫ.

Невскій, 71, уг. Николаевской ул.
Невскій, 59, д. бывший Г. Блокка.

Телеф. № 55-89.

ЦВѢТОЧНЫЙ МАГАЗИНЪ

Герстнеръ.

СПБ., Невскій пр. № 5. Телеф. 539.

КОРЗИНЫ и БУКЕТЫ

для

ПОДНОШЕНІЙ

по умѣреннымъ цѣнамъ.

ПРИНИМАЮТСЯ

ЗАКАЗЫ ВЪ ПРОВИНЦІЮ.

ЭЛЕГАНТНЫЯ ПЛАТЬЯ

продаются, громадный выборъ мало ношенныя, черн. цвѣтныя, въ блесткахъ, кружев. вышитыя. Покупаю въ бог. домахъ и за границей. Москва. Тверская, Ковидскій маг. "LUXE", въ кварт. 132 под. 2, д. Вахрушина. 52-4

въ этой баночкѣ находится
СЕКРЕТЪ ВАШЕЙ КРАСОТЫ.
Благоразуміе требуетъ, чтобы каждая дама имѣла всегда на своемъ туалетномъ столѣ

ПАТЬ НИППОНЪ
а рядомъ съ нимъ МЫЛО, ПУДРУ и КРИСТАЛЛЫ НИППОНЪ.
Продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ и у Т-ва "НИППОНЪ", С.-Петербургъ, Невскій пр., 110.-19
Брошюра знаменитой Японки Юначивары Маскадо "Отчего я такъ красива и молода" высылается БЕЗПЛАТНО.

Библиотека
С. П. ПУШКИНЪ

ЧТЕЦЪ-ДЕКЛАМАТОРЪ

4 тома по 1 р. 25 к. квтора журнала „ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“.

ЯКОВЪ ГОРДИНЪ.

НОВАЯ ПЬЕСА

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ.

Драма въ 4 д. съ прологомъ (м. 5, ж. 6). Репертуаръ Спб. Екатеринбургскаго театра, Харьковъ—Городско-го, Кіевъ—театра „Вергонье“ и т. д.
Цѣна 2 р. ценз. экз. 4 р.

САТАНА и ЧЕЛОВѢКЪ

драма въ 4 д. съ прологомъ (м. 5, ж. 4), ценз. экземп. 3 р. II-е изд.
Переводъ съ еврейскаго М. А. Витъ.
СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ—КОНТОРА ЖУРНАЛА „ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“.

ВЫШЕЛЪ изъ ПЕЧАТИ

ТЕАТРАЛЬНЫЙ

Календарь-Ежегодникъ на 1910—II гг.
Справочн. и записн. книжка артиста и театрала.

Изд. А. Кошевърова (годъ 4-й).
Цѣна въ перепл. съ перес. наложн. плат. 1 р. 10 к.
Москва. Б. Молчановка Криво-Никол. пер. д. 7—9. А. Кошевърову.

НОВАЯ ПЬЕСА:

„Проснулся я, внимайте“

въ 4 д. Ю. Аль-Рашида (мужск. р. 5, женск. 3).
Реперт. Кіевскаго т. Кручинина.
Цѣна ценз. экз. 5 р. 75 к. Получать Спб. „Компсисіон. отдѣлъ при Союзѣ др. и муз. писателей“.
Бассейная, 3—5, кв. 6. (Тел. Спб. „Лрамосоюз“).

*ПАПЪ-ЦАРАПЪ. (Искатели счастья).

Ком. шутка въ 3 дѣйств. С. Сабурова.
п. 2 р. Пр. В. 1909 г. № 275.

Контора журнала „Театръ и Искусство“.

M-me АЛЕКСАНДРИНЪ

(ШОБЕРЪ).

Баскова ул., 8. Телеф. 51-43.

СТАРИННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ФИРМА

ДАМСКИХЪ НАРЯДОВЪ.

Элегантное и скорое исполненіе. Цѣны умѣренныя.

АРТИСТКАМЪ СКИДКА.

Иногор. заказы высылаются наложн. платежемъ. 26—12

ПАПА

16-5

сцены изъ жизни въ 5 дѣйств.

Д. Висковатова.

Цѣна 1 р.

Книжный отдѣлъ конторы «Т. и И.»

ВСЕ ДЛЯ СЦЕНЫ!

Первое изъ Югъ Россіи Художественно-декоративное ателье М. Б. Басовскаго.

Одесса. Ришельевская, 68.

Контора: Греческая, 7.

Изготавливаетъ немедленно и по самымъ доступнымъ цѣнамъ: декорацию, обстановку, бутафорію, полное оборудованіе сцены по послѣднему слову театральн. техники.

Особо дешевыя смѣты для народныхъ театровъ, клубовъ и аудиторій.

При требованіи смѣты, просимъ высылать подробный размѣръ сцены.

ВЫРЪЗАЙТЕ НА ПАМЯТЬ — ПРИГОДИТСЯ!

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

ФАБРИКА ПАСТИЖА и

получилъ за выставку въ Парижъ почетный дипломъ и медаль.

ТЕАТРАЛЬНЫХЪ ПАРИКОВЪ.

ЗА ВЫСТАВКУ ВЪ РОСТОВѢ НА ДОНУ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Гримеръ и Театральный Паринмахеръ Спб. Народнаго Дома ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II и остальныхъ 6-ти Почетительныхъ театровъ о народной трезвости, а также С.-Петербургскихъ и Московскихъ частныхъ театровъ.
Въ С.-Петербургѣ: Лѣтняго и Зимняго театровъ Буффъ, театра Лассажа, театра Фарсъ Тумпакова, театра Фарсъ Казанскаго, театра Гиньоль, Театральнаго клуба, Новаго Лѣтняго театра, театра Акваріумъ, Спб. Зоологическаго сада, театра Эдель, Шато-де-Флеръ и проч.
Въ Москвѣ: Лѣтняго и Зимняго театровъ Эрмитажъ и Дѣтской группы Частякова.

ГЕННАДІЙ АЛЕКСАНДРОВЪ.

ГЛАВНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ ФАБРИКИ, МАСТЕРСКІЯ, КОНТОРА и МАГАЗИНЪ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Кронверкскій пр., 61. Телефонъ 85-78.

Разсылаю по провинціи опытныхъ мастеровъ-гримеровъ съ полнымъ комплектомъ париковъ.

ДАМСКІЙ ЗАЛЪ

ПРИЧЕСКА ДАМЪ и ВСЕВОЗМОЖНЫЙ ПАСТИЖЪ (входъ съ отдѣльнаго подъезда съ Гуляной улицы).

Высылаю въ провинцію налож. платеж. всевозможные парики и бороды всѣхъ вѣковъ и характеровъ.

Лучшаго качества по дешевымъ цѣнамъ:

Скрипки

въ 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75 р. и дорожке, народныя 3 и 4 р.

Стычки отъ 50 к. до 60 руб.

Балалайки

5, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 30, 50, 75, 100 р. и дорожке.

Народныя 1 1/2, 2, 3 и 4 р.

Гитары

въ 5, 6, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 руб. и дорожке.

Дешевый сортъ 3 р. 50 к.

Мандолины

хорошей итальянской работы

20, 25, 30, 40, 50, 75, 100, 125 р.

Болѣе дешевыя 4, 6, 8, 12 и 15 р.

Школы, самоучители и ноты для всѣхъ инструментовъ въ большомъ выборѣ.

Прейсъ-курантъ высылается по требованію.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34. * Москва, Кузнецкій мостъ. * Рига, Сарайная, 15.

